

2017
Verlag «STELLA»
Deutschland

Л₂₅

© Людмила Ларкина. Фарфоровый Ангел. Невыдуманные повести и рассказы из жизни русских эмигрантов в Австралии. 100 с.

Выпущено при содействии Международной гильдии писателей — International Guild of Writers — Internationale Schriftstellergilde.

<http://ingild.com>.

Все права защищены.

Верстка: А. Мальцева.

© Дизайн: В. Цветков.

Книга выходит в авторской редакции.

Verlag «STELLA»

Bundesstr. 52

72379 Hechingen

Deutschland

www.stella-verlag.com

Tel. ++49 (0) 174 38 403 06

E-mail: tst1968@gmx.de

ISBN 9978-3-95772-085-6

Людмила Ларкина

Фарфоровый ангел

Невыдуманные повести и рассказы из жизни
русских эмигрантов в Австралии

*«Эмиграция — капля крови нации,
взятая на анализ».*
Мария Розанова

Вместо предисловия «Это твой Ангел...»

Творческий портфель известной поэтессы Людмилы Ларкиной завидно публичен, богат и объёмен.

Но она не новичок и в прозе, публицистике. Яркое подтверждение — этот сборник.

Все повествования, вошедшие в него, нравственно выверены, искренны, проникнуты христианским духом, любовью к жизни и Родине.

Сознательно избегаю в обзоре механистического перечня названий произведений, как и скупого пересказа их содержания. Не вижу в этом прикладного смысла. Ведь читатель может познакомиться с книгой самостоятельно.

* * *

Надо сказать, что разговор о прошлом, различного рода воспоминания о нём не новы в русской литературе.

Автор отвела себе роль неподвзятого рассказчика, передавая в художественной манере однажды услышанное, ей адресованное и к ней обращённое написанное.

В тексте умело переплетаются такие формы как эссе, авторские записи-отступления, новеллы; местами он даже напоминает жанр дневника, особенно в повести «Фарфоровый ангел». Это не удивительно.

Вообще подобный стиль — один из древнейших в литературе, первые сведения о котором восходят к истокам письменности. Не останавливаясь подробно на истории вопроса, заметим лишь, что в России его начало как жанра мемуарной литературы связано со временем принятия

христианства на Руси и начала путешествий русских людей по святым местам: в Палестину, Афон и Константинополь.

Эти путешествия и нашли отражение в особой литературе — паломнической, а именно — в хождениях («Хождение» игумена Даниила, 1106–1108 гг.; «Книга паломник» Добрыни Ядрейковича, 1200–1204 гг.; «Хождение» Стефана Новгородца; «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор», 1438–1439 гг.; «Хождение» Василия Позднякова, 1558–1561 гг.; «Хождение» Трифона Коробейникова, 1593–1594 гг.; «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и др.).

У Людмилы Ларкиной передача воспоминаний различных людей, доверивших ей сокровенные ощущения и тайны, связанные с эмиграцией, как и древние «Хождения...», выступает средством создания портрета исторического времени и его представителей.

В её работах много психологизма и житейской мудрости. Из них мы имеем возможность извлекать не только событийную хронологию, но и сведения, касающиеся эволюции мировоззренческих установок, механизмов работы памяти, эмоционально-оценочного мышления, вербализации опыта, творческой деятельности и т. д.

Предлагаемые повествования Л. Ларкиной оригинальны, это переданные в художественной форме живые свидетельства людей, перенесших на своих плечах тяготы страны в различные периоды их преодоления.

Они показывают, что об истории можно говорить доходчиво и душевно, обращаться к её непростым метаморфозам не кощунствуя, не впадая в излишнюю неприязнь, осуждение и бессмысленную неопределённость.

Автор осознаёт, что среди читателей наверняка найдутся и другие свидетели, и участники мытарств русских эмигрантов за рубежом, в чём-то согласных, а в чём-то со-

мневающихся в правдивости рассказанных историй; и для него очень важно обратиться к ним таким слогом, чтобы вызвать у них доверие, чтобы они восприняли авторский замысел, уловили в нём то благословенное Небесами земное мировосприятие, которое питает душу и помогает человеку нести свой крест.

Такая проза не только учит, но и лечит душевной Красотой, которая, как и Любовь, как и Вера, — имена Божьи. О Надежде у писательницы особый сказ: её воплощает маленькая скульптурная фигурка Ангела, подаренная маленькой русской эмигрантке хозяйкой.

— *Девочка моя, бери!* — повелительно, но ласково сказала пожилая женщина. — *Это твой ангел. Он нашел тебя и прилетел сегодня и уже никогда тебя не оставит. Он будет всегда хранить и защищать тебя от бед. Ты всегда будешь счастливой. Ты должна ему верить, чтобы ему было легче помогать тебе.*

В конечном итоге читатель встретится с красивыми людьми, которые в порыве преодоления жизненных невзгод создают себя, свой мир сами; даже вдали от Родины, вопреки всему питают свои сердца любовью и преданностью.

Конечно, в арсенале использованных Л. Ларкиной литературных средств нет устоявшейся ровной последовательности, единого знаменателя: рассказы своеобразны каждый по-своему, но это никак не сказывается на их ценности. Они лишены как тяжеловесного мудрствования или двусмысленности, так и легковесности, наивности.

Если вспомнить мудрого Лао Цзы, что небо производит всё; и оно так могущественно, потому что всегда искренно; — становится понятным художественный выбор писательницы: внимать Человеку и Небу.

Наше время ежедневно диктует свои вызовы — от разумных до полных сумасшествия. И в этой противоречивой, порой несчастливой действительности нам надо

уметь быть счастливыми. Прежде всего достигать счастья, казалось бы в малом, — быть добрым, справедливым, честным.

Ведь огромного без малого не бывает. Потому-то и величие человека, его крылатость заключены в его каждодневных поступках. Какие они, такая и жизнь.

* * *

Как правильно замечает автор, «невозможно прочувствовать историю целой страны, не увидев, не приняв боль человека, лично пережившего трагедию того или иного времени».

Об этом всегда во все исторические эпохи болела творческая душа.

Вспомним Л. Н. Толстого: «Прошел месяц — самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву. Всё устраиваются. Когда же начнут жить? Всё не для того, чтобы жить, а для того, что так люди. Несчастные! И нет жизни. Вонь, камни, роскошь, нищета, разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманить у них назад награбленное».

Точь-в-точь о нашем времени. Это тревожит сегодня и душу русской писательницы, проживающей вдали от России.

О современном мире и человеке в нём, смысле жизни и идёт речь в этом фактически «дайджете» интересной прозы Людмилы Ларкиной.

Если перефразировать её же слова, то повествования эти — это и наш Ангел-Хранитель от зла, напастей и вражды.

*Светлана Андреевна Демченко, литературовед,
канд. философских наук, доцент, член Союза писателей России,
член Союза журналистов Украины.*

От автора

Книга эта задумалась более пяти лет назад, когда я записывала воспоминания русских австралийцев, собирая материал для книги «Уральские казаки в Квинсленде», которая вышла в свет в 2011 году. Потом была работа над книгой «Брисбенский иконописец Арсений Савицкий» — о судьбе 19-летнего гардемарина из Владивостока. В 2014 году — книга «Подвиг русского духа» — о строительстве первого русского православного храма в Австралии. В 2016 году книга «Любовью и единением спасемся» — о русских эмигрантах в Австралии 1920–2015 гг. Всякий раз работая по той или иной теме, записывая истории русских людей, попавших волей судьбы в эмиграцию, слышала бесчисленное число жизненных историй, которые не совсем подходили к теме книги, но не записать их было невозможно. Тогда и была задумана книга из серии «Непридуманнные рассказы». Иногда люди просили написать их историю в статье, другие говорили, что это информация только для нашей личной беседы, а кто-то не возражал, что история их войдет рассказом в книгу, но с изменением имен и названия населенных пунктов. Каждый из повествователей понимал, что их личные судьбы — это часть истории России и очень важно знать молодежи живые примеры, а не просто историю обобщенную темами в учебниках под названием «Великая Отечественная Война» или «Белое движение». Невозможно прочувствовать историю целой страны, не увидев, не приняв боль человека, лично пережившего трагедию того или иного времени. Сегодня книга невыдуманных повестей и рассказов из жизни русских эмигрантов в Австралии перед вами.

Каждое повествование — это жизнь человека, оставившего Родину в силу разных причин. Кому-то эти переживания будут очень близки, кто-то всплакнет, а кто-то скажет, что все это нереально. В любом случае, я пишу это для людей молодого поколения, стоящего сегодня у руля жизни, от которого зависит мир на земле. В одном из интернетных блогов я прочитала фразу молодого человека, который написал: «Как достали эти воспоминания о войне, о революциях и концлагерях. Мы живем в другое время и не хотим пережевывать сопли своих предков...» Более, чем цинично. Такое пренебрежительное отношение к истории и жизни «своих предков» порождает новые политические катаклизмы, кровавые противоречия, национальные и религиозные войны, ведет к не заживлению старых, кровоточащих ран, а к новым глобальным ошибкам.

Я выросла сиротой и, вероятно, потому мои чувства оголены, как не защищенные изоляцией электрические провода, воспринимающие и проносящие через себя все услышанные события до физического ощущения боли, до самосожжения от переживаний. Нужны ли эти рассказы сегодня? После того, как я прочитала реплику молодого человека о «соплях предков», я сказала себе: «Книга рассказов о жизни русских, рассеянных по всему миру в силу кровавых событий, должна быть!»

Чтобы книга не получилась уж совсем грустной и суровой, в книгу включены небольшие рассказы-зарисовки из обыденной жизни постсоветских эмигрантов, прибывающих на пятый континент в основном по «визам невест».

В своем коротком предисловии я хочу поблагодарить тех людей, которые поделились и продолжают делиться со мной своими сокровенными историями. Это благодаря вам, вашим надеждам, вашей искренности и поддержке добрым словом родилась эта книга. Спасибо большое Кириллу и Людмиле Мартин, Елене Поповой, Седе и Вове Попе-

ня, Софии Морозовой, Валентине Дариники (Шишковой), Алексею Дятлову, Марии Татарковой, Любви Павловой, Берте Нисановой, Петру Родионову, Татьяне Флориановой, Руфине Мамонтовой, Клавдии Муценко, Ангелине Кокшаровой, Любви Окки, а также многим другим русским эмигрантам Австралии, чьи фамилии здесь не указаны по их просьбе или по просьбе родственников.

Фарфоровый Ангел

*Повесть по воспоминаниям
6-летней узницы — русской австралийки.*

Женщины, рассказавшей мне эту историю, уже нет. Она умерла в австралийском городе Брисбене в 2013 году, поведав мне эту историю за два года до ее кончины. Это все, что она могла оставить после себя в этом мире. Много это или мало? Для меня оказалось это ответственным грузом, который я носила несколько лет, обдумывая и решая, надо ли еще кому-то знать эту историю. Пожилая женщина, доверившая мне тайны своей судьбы, разрешила написать об этом после ее ухода, но изменить имена людей и названия некоторых населенных пунктов. Название города Брисбен она просила не менять. Родных и близких у нее не было.

Я хорошо помню, как объявили войну

За две недели до вторжения гитлеровцев на советскую землю мне исполнилось 6 лет. Я хорошо помню, как объявили войну. Уже через несколько дней мы провожали папу на фронт. Мама плакала. Мои четыре сестренки и брат прижались к ней и тоже плакали. Я не плакала. Почему? Наверно, потому, что не представляла весь предстоящий ужас. То, что слово «война» — это самое страшное слово на свете, я поняла, когда в Полесье пришли немцы. Мы с восьмилетним братом Петей пасли за поселком нашу корову и соседскую, как вдруг увидели летящие в небе самолеты. Обрадовались, стали махать им руками. Петя кричал: «Это я первый их увидел!» Я, как всег-

да уступающая старшему брату в смекалке и в ловкости, уже собралась согласиться с его первенством, как вдруг от самолетов стали отделяться какие-то, как мне показались, черные мешки. Падая на землю, они стали с оглушающим воем взрываться рядом с нами. Соседскую корову убило сразу. Мы с Петей побежали к лесу. Бомбы разрывались за нами и впереди нас. Вдруг Петя вскрикнул, упал в траву и замолчал. Я, захлебываясь от слез, подбежала к нему и увидела окровавленную рубашку брата. Петя лежал, распластавшись в высокой траве и не двигался. Осколком мины ему пробороздило живот. Не открывая глаз, он еле шептал: «Беги к лесу, а потом за мамкой...» Я побежала, что было сил. Самолеты улетали. Пилоты, видимо, решили, что мы убиты, и на корову, от страха взбесившуюся и бегавшую по полю, тратить снаряды не захотели. Я выбралась из высокой осоки и побежала в деревню, в медпункт, где работала мама. В медпункте никого не было — ни медицинского персонала, ни больных. Я снова в отчаянии понеслась в поле, к Пете, не понимая, что происходит и что делать. За поселком я увидела бежавших по кукурузному полю людей. Впереди всех бежала мама.

Петю мы выходили, промывая рану подсоленной водой и перевязывая рваными пододеяльниками, пропитанными мазью из сметаны и трав. Каждые три часа мы с сестренками поили его горячим молоком, надоенным от оставшейся в живых коровы — нашей кормилицы Маньки. Убитую соседскую молодую телочку мама и соседка тетя Шура разрубили на куски, посолили и повесили вялить в сарай, готовясь к непредсказуемой зиме.

Немцы в нашей деревне

В середине июля 1941 года я впервые увидела немцев совсем близко. Они въезжали в нашу деревню Городная Столинского района, сидя по три человека на новеньких мотоциклах. Сидящие в колясках мотоциклов немцы

наигрывали веселые мелодии на губных гармошках. Эти звуки, исходящие из губных гармошек, с тех пор кажутся мне самыми ужасающими мелодиями, предвещающими беду.

Придя в Полесье, немцы стали бесцеремонно, по-хозяйски расселяться по всем населенным пунктам районов.

Жители нашей деревни, у кого не было маленьких детей и престарелых родителей, уходили в леса и прибывали к партизанам. Мама с пятью детьми, младшей из которых была я, бежать из деревни никуда не могла. Немцы вскоре набрали к себе на службу из местных жителей полицаев и назначили старосту. Мама говорила, что в полицаи пошли в основном поляки, а также белорусы, пострадавшие от беззакония советской власти. Жизнь в деревне превратилась в ад. Попробовать заготовленного на зиму вяленого мяса нам не пришлось. Односельчане, видевшие, как мы после бомбежки разделяли с соседкой коровью тушу, выдали полицаям о наших съестных припасах сразу же, как было объявлено о сборе продуктов для немецких солдат. Начались узаконенные погромы и грабежи нашими же соседями. Я увидела своих односельчан воочию, которые до войны были всегда к нам добры, а тут, чтобы услужить немцам, натравливали на нас собак. Я слышала, как громогласная соседка тетя Груня, у которой муж тоже был на фронте, а дома трое малолетних детишек и немощная старушка-свекровь, рассказывала моей маме: «Сгоняют со дворов и уничтожают мужиков-коммунистов и евреев старше пятнадцати лет... Полицаи уверены, что немцы пришли в Полесье навсегда. Ты не волнуйся, у нас в доме мужиков старше восьми лет нет...» — успокаивала себя и маму раскрасневшаяся тетя Груня.

Успокоившись, что за нами не придут, и, спрятавшись за занавеску, я наблюдала из окна, как полицаи Гришка шел по поселку с немцами и показывал пальцем на дворы, в которые можно поселять вновь прибывающих не-

мецких солдат или забирать скотину, выгонять на улицу хозяев, а не при неповиновении — расстреливать на месте. Наш небольшой старый бревенчатый дом несколько раз проходили мимо. Я была уверена, что к нам не зайдут. Мы не были ни коммунистами, ни евреями. В один из дней Гришка махнул рукой в сторону нашего двора, и я своим детским чутьем поняла, что за нами тоже пришли.

В центре деревни Городная стоял общий колодец, у которого родители раньше часто встречались с односельчанами, набирая воду, рассуждали о жизни, а мы — дети — тут же бегали, играя в догонялки, в прятки. Теперь нас всех свои же односельчане согнали к колодцу и заставили раздеться до нижнего белья. Мужчин заставляли поднимать воду из колодца, чтобы потом под дружный смех полицаев обливать себя и нас ледяной колодезной водой. Одежду нашу бросили у колодца, залили водой и втоптали в грязь, «приплясывая» Свекровь тети Груни — совсем уже ветхая пожилая женщина — пыталась вытянуть из грязи свою юбку. Молодой полицай, говоривший на польском языке, пнул ей в лицо сапогом. Старушка упала в грязь и больше не поднялась. Полицая, пнувшему в лицо старушки, на вид был чуть более двадцати лет. Вел он себя «героем» и храбрился перед немцами, завоевывая у них расположение и доверие. Кто-то из мужчин, из пригнанных к колодцу «зрителей», стал громко по-русски материться, защищая замерзавших людей. Его тут же застрелил немец с довольной улыбкой победителя.

Я ощутила себя беспомощным животным.

Ночевали мы в ту ночь под открытым небом, загнанные в наскоро сколоченный лагерь, где не было крыши, а только высокий деревянный забор. Многие не пережили эту первую ночь и остались лежать в земле деревни Городная навсегда.

Уже к концу следующего дня в деревне был построен коридор из колючей проволоки в три ряда, а на утро

оставшихся в живых гнали по этому коридору. Коридор был узкий и хорошо просматривался с вышки наблюдателями, которую также соорудили за полтора дня. Два надзирателя стояли на невысокой вышке и указывали кого в какую сторону толкнуть — вправо или влево. Молодых женщин и девушек загоняли влево — в отгороженный сеткой загон, а стариков, немощных людей, беременных женщин и маленьких детей — вправо. Грудных детей силой отрывали от кормящих матерей и, если мать кричала и неистово сопротивлялась, грудничка брали за ноги головой вниз и на глазах матери разрывали на две части... Следующие женщины отдавали детей безропотно. Моей старшей сестре Марусе было 16 лет, средней Фире — 14. Их втокнули в загон к молодым женщинам. Мама успела схватить с моей головы шапку и подсунула себе под платье. Надзиратель, видя ее «отягощенность беременностью», швырнул меня вместе с ней к немощным. 8-летнего брата и 11-летнюю сестру Симу тоже втокнули с нами. Молодых женщин, как и моих сестер, с криками под лай собак стали втрамбовывать в грузовики и повезли в сторону железнодорожной станции Горынь, которая находилась от нашей деревни на расстоянии двадцати одного километра.

Теплые вещи, продукты, которые нас заставили взять с собой, полицаи отбирали и бросали в две кучи. В одну — крупу, хлеб, в другую — валенки, ботинки, пальто... Оставшихся людей, включая меня с мамой, братом и с сестренкой, погнали пешком по дороге, сменявшейся то глиной, то затхлыми лужами, то заваленной валежником.

***Корову Маньку съели полицаи.
Значит, и нас съедят...***

Я из обрывков речей взрослых слышала, что нас куда-то гнали, и слово «гнали» меня пугало. Я слышала это слово раньше и не понимала, почему это слово относится к лю-

дям. Я помнила, как мы с мамой гнали корову за семь километров пешком к районному ветеринару. Ветеринар брал какие-то здоровенные блестящие инструменты и стеклянную колбу. Я держала нашей корове Маньке хвост, а ветеринар вливал ей под хвост лекарство. Мама держала корову за спину. Потом мы три часа с мамой пасли корову, сидя на лужайке, и я слышала из разговоров взрослых, тоже пригнавших сюда своих домашних животных, часто одну и ту же фразу: «Хоть бы осеменялась...» Потом снова ветеринар проделывал ту же процедуру, а я снова старательно держала хвост корове, а сил не хватало. Несколько раз меня Манька ударяла хвостом по лицу, но мне не было обидно. Она же своя и не нарочно. Потом мы еще несколько часов гнали корову домой. Я не понимала, для чего мы ее водили к ветерану, ведь она не болела. Иногда за лето нам приходилось ходить с коровой в районную ветеринарную клинику несколько раз. Да и разве это была клиника. Это был скотный загон, а перед входом в загон, в небольшом сарае сидел ветеринар, брал деньги и выписывал квитанции.

В первый же день прихода немцев в наш поселок корову нашу со двора силой утащили полицаи. Почему, шагая по дороге, погоняемая полицаями, я это вспомнила? Я ощутила себя беспомощным животным. «Корову Маньку съели, значит, и нас съедят», — думала я. Куда и почему гонят людей, мою маму и детей — я не понимала? В голове шестилетней девочки, погоняемой выкриками полицаев, складывались предположения, самые страшные догадки, о которых я даже не хочу сейчас рассказывать. Вспоминая те минуты, я жалею ту маленькую девочку, которой была не кто иной, а я.

В этот день я поседела, как и мама

В дороге я простыла, ослабла, чувствовала жар в теле и еле могла передвигаться. Иногда нам разрешали останавливаться на отдых. Во время одного перекура два полицаи пытались схватить меня и оторвать от мамы. Мама начала

кричать, биться руками, ногами, потом стала улыбаться, поднимать юбку и даже падать на колени перед этими злыми людьми. Потом маму увели и меня больше не трогали... Мою 11-летнюю сестру Симу полицаи схватили за ноги и утащили в лес, волоча головой по земле. Мама начала кричать, но ей пнули сапогом в живот. Она упала и потеряла сознание. Брат бросился защищать сестру, размахивая детскими ручонками. Ему разбили голову прикладам. Издав последний глухой звук, Петя так и остался лежать на дороге. Патронов они на нас жалели. Симу мы тоже больше не видели. В этот день я поседела, как и мама.

Дальше сопровождали нас солдаты вермахта с овчарками. Мы проходили деревни. На одну ночь нас закрыли в скотном дворе. Набили сарай людьми так тесно, что мы не могли присесть. Взрослые засыпали стоя, навалившись друг на друга. Того, кто к утру совсем ослабел, вытащили на улицу и расстреляли прямо у ворот. В одной деревне детям разрешили пройти по деревне и просить милостыню. Жители деревень были сами голодны, но делились вареной картошкой, сухарями.

На железнодорожной станции нас всех посадили в вагон и везли в товарном поезде, в котором не было крыши. Меня мама положила на солому в самый дальний угол вагона, закидала какими-то пахнущими гнилью тряпками, узлами, валявшимся в вагоне еще до нас, и строго сказала:

— Молчи, что бы не случилось. Тебя здесь нет! Даже, если поезд перевернется, тебя больше нет на свете!

С этими словами я прожила всю жизнь. Я чаще молчала, чем говорила, и часто путала реальность со снами. В те моменты, когда видела несправедливость, я срывалась защищать слабого и становилась совершенно неуправляемой в своем гневе. В такие минуты я уже не знала на этом ли я свете, или нет. До себя мне становилось все равно, лишь бы добиться правды и защитить обиженного. Чаще

в таких ситуациях я становилась виноватой, и никто меня не защищал, даже те, ради которых я готова была идти в бой против явно превышающей силы.

Слово «гетто» боюсь произносить до сих пор

Нас привезли в Польшу и разместили в Варшавский концлагерь. Слово «разместили» даже не подходит к этому случаю. Нас, как собак, загнали в казармы. Мы с односельчанами уже не узнавали друг друга. Многих уже не было в живых. Жальче всех было маму. Она сильно похудела и по ее ногам текла кровь...

В казарме стоял гнетущий запах мочи и мертвечины. Слово «мертвечина» я услышала там впервые, когда на утро под лай собак в казарму вбежали пленные в полосатых пижамах и стали вытаскивать на носилках мертвецов. Мертвых младенцев выносили цинковыми тазами.

Потом я этих мертвецов видела в ямах, за сараями лагеря. Рядом с ямами и кирпичными печами стояли штабелями железные банки с английскими надписями. Читать я еще не умела, но надпись в глазах осталась на всю жизнь: «Gas»

Так начиналось каждое утро: под лай собак открывались скрипучие двери казармы, и мама, как и другие взрослые женщины, должны были выбегать из казармы. Дети выходили последними. Потом снова выносили трупы тех, кто отмучался за ночь. Меня постоянно тошнило от зловонного запаха в казарме. Сначала я не понимала, что происходило, но потом поняла, что мы с мамой в концлагере. Слово «концлагерь» до того, как я в него попала, я тоже не слышала. Слово «гетто» — боюсь произносить и сейчас.

Страх

В один из дней нас снова посадили в душные, закрытые машины и куда-то повезли. В машине стояла полная тишина. Я поняла, что взрослые молятся. Я тоже молилась и просила у Бога пожить еще хотя бы немного так, как мы жили до

войны. Паники в машине не было. Мы все знали, даже дети, что отъехав от города, в машины пустят газ, и сегодняшний день станет для нас последним. Однако, этого не случилось. Нас вскоре выгрузили на железнодорожной станции и стали снова загонять в товарный поезд. Стены вагона, в который мы с мамой попали, были высокими. Соседние вагоны были совершенно открыты и туда тоже загоняли узников. В нашем вагоне до нас везли строительную вату или битое стекло, и мы все начали чесаться. Может, чесались от вшей, а не от ключей ваты. Это было уже трудно понять. Я поранила ногу бутылочными осколками, которые валялись по всему вагону. Рана начала гноиться. Мама несколько раз в день нюхала мою ногу и говорила: «Главное — чтобы не было гангрены. Когда будешь выходить из вагона — постарайся не хромать» Гангрену я избежала, но в детское сердце вселился страх, от которого при каждом резком звуке тряслись руки. От чувства страха я начинала мерзнуть так, как будто попадала в ледяную прорубь или в зубы волка, которым меня в сказках перед сном пугали в детстве. Только тогда мне представлялся «маленький волчок, который ухватит за бочок», а сейчас в моем воображении стоял громадный волчище с красными глазами, у которого из челюсти капала слюна. От страха мне не хватало воздуха. Очень хотелось пить.

В тот день нас привезли в какой-то темный кирпичный дом, в котором пахло лекарством, и всем детям сделали уколы. Четверых маленьких девочек там оставили, а остальных детей увезли обратно в лагерь. Женщин оставили на станции в качестве грузчиков для погрузки в вагоны ящиков с пустыми стеклянными пробирками и битым стеклом.

***Я грызла руки людей,
чтобы заполучить крошку хлеба***

Сколько я себя помню, в концлагере я все время была голодной. При виде черного плесневелового сухаря я набрасывалась на него и грызла так, что кровь выступала из

десен. Мама ласково шептала: «Не спеши, это все твое...» Еще не доев сухарь, я начинала безудержно икать, и мама снова меня успокаивала. Иногда она гладила по голове или ласково постукивала по спине, произносила какое-то странное слово «диафрагма» Мама до войны была детским врачом и часто произносила непонятные медицинские слова. Поглаживая по спине, мама говорила: «Это не страшно, это диафрагма, сейчас все пройдет. Водички бы». Но воды не было, и икота долго не проходила. Наконец, я успокаивалась и задавала маме в очередной раз вопрос: «А почему ты не кушаешь?» Мама всегда отвечала: «Я не хочу кушать, я не голодная...» Я ей верила. Я всегда верила каждому слову мамы, наивно думая, что голодными бывают только дети, а взрослые уже выросли и потому не хотят кушать. Воду нам давали очень редко. Иногда привозили хлеб и охранники, стоя по другую сторону сетки, отламывали от буханки куски хлеба и перекидывали через сетку; при этом старались подбросить как можно выше, чтобы мы могли видеть, куда летит кусок, и все одновременно бросались в одно место. В эти минуты я все больше чувствовала себя затравленным волчонком и грызла руки других людей, чтобы заполучить хоть крошку хлеба. Люди грызли в кровь мои руки. Иногда маме удавалось выхватить кусок хлеба, но это происходило все реже. Мама слабела с каждым днем.

Ты скоро поедешь к бабушке

В один из вечеров, после тяжелого рабочего дня, в казарму пришла женщина в форме. Какая на ней была форма — я уже не помню, но только она точно была заключенная. Проходя мимо наших нар, она что-то быстро сказала маме. Я по маминым глазам поняла, что она этой новостью довольна. Я давно не видела у мамы блеска в глазах, как это было раньше. Сейчас же глаза мамины улыбнулись, и только я собралась порадоваться вместе

с мамой, как увидела, что через несколько секунд по ее щекам покатались слезы. Мама со всех сил старалась не показывать своих чувств и почему-то все время смотрела на меня. Женщина, которую я видела в казарме второй раз, быстро ушла. Я помню, как после ее ухода я донимала маму вопросом: «Кто это? Что она сказала?» Мама молчала, а мне от этого молчания еще сильнее хотелось кушать. Мама крепко обняла меня, посмотрела мне в глаза с такой обжигающей тоской и вместе с тем с надеждой, что мне снова захотелось плакать. Прижав свои теплые, ласковые губы к моему уху, мама прошептала:

— Ты скоро поедешь к бабушке. Только ничего не бойся. Эта тетя тебя увезет к ней.

— А ты поедешь со мной? — спросила я маму.

— Нет, я не могу. У меня работа. Я приеду позже...

В лазарете

На следующее утро меня и еще пятерых девочек увезли в лазарет, где мы весь день убирали и мыли ночные горшки, выливали мочу из уток. Мне досталась самая неприятная работа. Я мыла плевательницы после туберкулезных больных. Несколько раз меня рвало, и злая надзирательница кричала на меня и замахивалась кулаком, но не ударила. Потом она перевела меня в прачечную, где мне нужно было разбирать белье по корытам, а потом стирать в ручную. Вши ползали по белью и заползали мне под рукава, потом под рубашку. Я начинала чесаться, и старшая девочка (лет 12-ти) мне сказала:

— Не чешись. Терпи. Вши — тифозные, и, если заметят, что ты чешешься, тебя расстреляют или сделают укол, как моей сестре.

— А где твоя сестра?

— Она умерла после укола. Ее унесли из казармы, и она валяется в куче за сараем... Потом, когда яма наполнится, их сожгут или закопают в этой яме.

Девочка говорила об этом, как о самом обыденном деле, как будто шла речь не об убитой сестренке, а об обычном мешке мусора, который унесли на свалку и его предстоит уничтожить. Я до сих пор помню холодное лицо этой девочки. Сколько же надо пережить, чтобы в двенадцать лет стать такой каменной. От слов этой девочки мне стало совсем жутко, и я больше никогда ни о чем ее не спрашивала. Я больше не расчесывала себя в кровь, хотя чувствовала, как вши ползали по телу и ежеминутно кусали меня.

В тот вечер мама в камеру не вернулась. Больше я ее никогда не видела.

Земфира

Я плакала всю ночь от того, что мама не вернулась, но при воспоминании маминых слов: «Тебя больше нет на свете, чтобы не случилось!» — я затихала и на некоторое время проваливалась в сон. Утро, как обычно, началось с лая собак и со скрипа тяжелых ворот. Узники выбежали на улицу. Мы — дети, как обычно, выходили позднее. Дети в концлагере были разного возраста. Особенно мне запомнились две девочки-близняшки, очень красивенькие, с черными, выразительными глазками и вьющимися черными кудряшками. Их недавно привезли, и они были, как две маленькие куколки. Мне все время хотелось потрогать их «кукольные кудряшки». За ними приглядывала какая-то женщина, но на их маму она не была похожа. Она их часто одергивала, и видно было, что девочки ее раздражали. Девочкам было около 4–5 лет. В это утро из камеры вышла только одна девочка. Я помню ее имя. Ее звали — Земфира. Я запомнила это имя, потому что оно напоминало мне сладкий зефир. Я ее так и называла — Зефир. А может, это вышла не Земфира, а ее сестренка? Имя другой девочки я не запомнила. Они были похожи друг на друга, как две капли воды. Земфира подбежала ко мне и сказала,

что сестренка ее вчера заболела, ей поставили укол, и она очень крепко спит и, наверно, ее побьют за то, что она не смогла проснуться... Мы вышли на свежий воздух. Было прохладно, но солнце так улыбочиво светило, пробираясь своими теплыми лучами за ворот пижамы, под которой уже ходуном ходили размножившиеся вши...

— Моя мама не вернулась — прошептала я девочке на ухо.

В это время ко мне стал приближаться надсмотрщик, и я сжалась от предчувствия боли от удара приклада или сапога. Он наклонился и сказал:

— Ты видишь у той самой высокой стены люк? Когда вас посчитают и будут разбирать по группам, ты должна незаметно подойти к люку и прыгнуть в него.

— Я боюсь прыгать в люк.

— Тебя там ждет мама.

Последняя его фраза все затмила в моем сознании. Чтобы быть снова с мамой, я готова была прыгать с крыши самого высокого дома.

Из казарм, как обычно, стали выносить тела умерших узников. На одних из носилок я увидела свешивающуюся головку маленькой смуглой девочки. Черные кудряшки ее рассыпались и развивались от ветра и от покачивания носилок, на которых лежало еще несколько умерших детей. У меня все похолодело внутри. Земфира стояла уже в другом ряду — нас расставляли по возрасту и по росту. Сестренку свою, которую уносили в зловещую яму, она не видела и все еще переживала, что сестренку накажут за то, что она не смогла проснуться...

В шахте

После того, как всех пересчитали на утренней переключке, у нас было несколько свободных минут пока со двора уводили взрослых и выносили трупы. Я незаметно стала пробираться в сторону люка. Там уже стояло несколь-

ко оборванных девочек и о чем-то говорили. «Может, они тоже со мной», — подумала я. В это время к люку подошел все тот же человек в форме и стал их прикладом отгонять от люка. Я остановилась. Человек резко пошел ко мне и строго крикнул: «Что стоишь, быстрее прыгай! У тебя нет времени!» Я, как ошпаренная, рванулась к люку и прыгнула в него. Сердце мое перехватило от страха и темноты. Я летела с бешеной скоростью в шахту и поняла, что это конец. Полминуты полета в бездну мне показались вечностью. Кричать я боялась. Еще момент и мне стало совершенно безразлично, что со мной будет. Тело мое обмякло, и я даже не пыталась сжиматься, понимая, что еще несколько секунд и я ударюсь о каменный пол шахты. Я поняла, что меня обманул тот человек в немецкой форме, который почему-то говорил по-русски. Еще успела вспомнить, как мне однажды показалось, что в этом же люке пропал мальчик, который прыгнул и исчез навсегда. Я стояла тогда не очень далеко от люка и думала, что мальчик упал, не заметив, что крышка открыта. Хотела позвать на помощь, но мне кто-то грубо зажал рот здоровенной рукой. Я чуть не задохнулась от отсутствия воздуха и запаха прокисшей капусты, которой пропахла эта грубая рука. В то утро прибыло много новых узников в лагерь, и никто не заметил инцидента, а может, и заметили, но не придали значения. Охранники иногда так шутили, хватая девочек, чтобы похлопать их по попе. Больше себе они ничего не позволяли, да и то это было только в темноте. Один раз я видела, как охранник после того, как схватил новую, совсем еще чистенькую девочку, потом с остервенением разбил ей голову лопатой. Голова хлопнула, разбилась, как упавший на землю арбуз. Девочка забилась в конвульсии и успокоилась. Охранник тоже успокоился и прохаживался спокойно по двору, останавливаясь взглядом на новеньких девочках, которых еще не кусали вши и не было на лицах признаков волчьего голода.

Вдруг мои мысли и полет оборвались от того, что я почувствовала, что долетаю до дна шахты, но прежде чем удариться о дно этой страшной ямы, меня кто-то крепко схватил, и мы упали вместе. Я ударилась головой о стену, но не упала на пол. Было темно. Сыро. Попискивали крысы. Я не видела, кто меня держал за руку, но поняла, что это не мама. Потом мы бежали в темноте. Я постоянно падала, потому что тот, кто тащил меня, бежал намного быстрее. Под ногами были камни, вода. Правый мой ботинок, с отвалившейся подошвой и привязанный к ноге веревкой, то и дело цеплялся за какие-то трубы, проволоку. Бежать я больше не могла. Большой человек, который тащил меня за руку, остановился и привалился спиной к стене. Я привалилась рядом. Стена была сырой и холодной. Меня трясло от страха и хотелось плакать от боли в руках, кровоточащих коленок и ушибленной головы. Наконец, мне удалось увидеть лицо человека. Оно не показалось мне безобразным, как я ожидала. Лицо не улыбалось, но и не ругалось. Человек сказал, чтобы я не боялась, потому что он из «живота» Я так и не поняла — из какого он «живота», и почему-то мне снова вспомнилась наша корова Манька, которая попала в живот, когда ее съели немецкие солдаты. Постепенно я стала приходить в себя. *Уже став взрослой, я узнала, что спасли меня люди из организации сопротивления под названием «Жегота».*

Болезнь

Несколько недель я тяжело болела и практически ничего не помнила и не понимала что происходит. Сухой кашель душил меня так, что вырывало все изнутри, и мне хотелось в эти минуты умереть. Я лежала в большой, чужой комнате с черными занавесками, с постоянно закрытыми ставнями и все время мерзла. Время от времени ко мне подходила немолодая женщина и давала мне пить кипяток. Несколько раз приходили незнакомые люди и вы-

звали врача, который с первого же визита сделал заключение: «Коклюш. В комнате постоянно вешайте влажное белье. Ей так легче дышать. Лекарств нет. Давайте ей пить горячую воду, авось выкарабкается...»

Кушать я совсем не хотела и голода не чувствовала. Маму практически не вспоминала. То ли забыла, то ли случилось что-то с памятью. Я лежала и часами разглядывала потолок, который был очень высокий и украшен вокруг висячей керосиновой лампы потемневшей лепниной. На стене, у кровати висела репродукция, на которой танцевали счастливые зайцы. Зайчихи были в ярких сарафанах, а дяди-зайцы — в широких, синих шароварах и в вышитых рубахах. Я была уверена, что на картине изображена большая заячья семья, а не просто компания друзей. Часами разглядывала эту счастливую заячью семейку. В те минуты я мечтала не о доме, не о маме и папе, не о том, как встречусь с сестренками. Я мечтала о том, как буду петь и танцевать с зайчатами на зеленой полянке в красивом вышитом сарафане. Совершенно глупая мечта умирающей девочки. Я никогда не танцевала, не пела, поскольку в детский сад не ходила, а в школу не успела пойти по малолетнему возрасту. Дома я иногда читала стихи для гостей, стоя на табуретке.

Ослабев от воспоминаний и мечты, глядя на репродукцию на стене, я снова проваливалась в сон и просыпалась от приступа изнуряющего кашля. В своих снах я еще много лет танцевала со счастливыми зайцами на лужайке...

Ферма

Прошло еще несколько недель, прежде чем меня повезли далеко за город. Я услышала, что везут меня к немцам на ферму, и сердце мое сжалось от невыносимой жалости к себе, но сопротивляться не было сил. Я молча покорялась взрослым и думала только о том, чтобы не было больно, когда меня будут есть. Эти мысли были тоже

глупостью, но тогда я не могла думать больше ни о чем. Я пыталась понять, почему меня сразу не убили в этом большом доме, а тратили деньги на докторов. Вспомнила, как мои родители раз в году покупали маленького, розового, забавного поросенка, как ухаживали за ним, чтобы заколоть его осенью и питаться им всю зиму... Я всегда плакала, когда слышала визг животного перед его смертью. В тот же день, как закалывали несчастное животное, жарили его свежую кровь на большой чугунной сковороде и приглашали соседей из тех домов, мужчины из которых участвовали в рубке и в палении туши. Соседи на ужин приходили с детьми, со стариками. Все веселились, поедая парное, вареное мясо и жареную кровь, а я плакала, понимая, что уже больше никогда не полюблю этих людей, которые пришли есть нашего поросенка... Пораженный горем мой мозг способен был после концлагеря воспроизводить только самые страшные картины пережитого опыта и постоянно ожидать собственную смерть.

Прошло уже несколько десятилетий с того дня, когда везли меня на ферму после коклюша, полученного в концлагере. Я до сих пор холодею, ужасаясь от воспоминаний пережитых чувств, когда загнанная жизнью и страхом в угол, я, маленькой девочкой, покорно приготовилась к тому, что везут меня на ферму, чтобы там съесть.

Привезли меня в тот день на животноводческую ферму и поселили в немецкой семье. Вскоре я поняла, что кушать меня никто не собирается. Моя обязанность была — помогать семье фермеров по хозяйству. Это было начало 1943 года. Мне исполнилось восемь лет.

Фарфоровый ангел

После лишений, которые я пережила в свои восемь лет, жизнь на ферме мне показалась совершенным раем, хотя вставать надо было в четыре утра, чтобы почистить хлев, подготовить ведра, полотенца к дойке коров, по-

кормить кур, гусей, убрать дом. В семье, в которой меня поселили, было трое детей, и все они тоже помогали взрослым, но вставать им разрешалось в семь утра, чтобы успеть собраться в школу. Я должна была встать раньше всех, но меня это ничуть не обижало. В школу я не ходила. Я знала свое место, понимая, что они — это семья, а я — домработница. Меня никто не обижал, и я была благодарна за то, что мне разрешали смотреть, как играют дети, как им дарят подарки, как они веселятся. Я никогда не испытывала чувства зависти, потому что знала, что это не мое и моим быть не могло. Мне разрешали радоваться за детей, и я искренне радовалась за них и была благодарна, что у меня оставалось время смотреть на их игры. Все дети в немецкой семье практически были моими сверстниками с разницей в возрасте один-два года.

В один из дней глава семейства Фрэнк вместе с супругой Гертрудой отправились на рынок в город. В доме оставались их пожилые родители Моника и Андерс, которые были ко мне особенно добры. Детей — Мартина, Габриель и Петру увезли в школу. Сразу, как только затихло в доме, а я принялась натирать полы на веранде, на веранду вышла Моника — пожилая дама лет восьмидесяти и протянула мне предмет, завернутый в белую, атласную ткань. Я покорно взяла сверток, думая, что завернутую вещь необходимо почистить.

— Открой, — сказала мне фрау Моника и коснулась правой рукой моих выбившихся из косичек волос. — Не бойся, — повторила женщина и стала помогать мне разворачивать сверток.

Мы вместе освобождали от ткани и шелестящей бумаги что-то твердое, и в моих руках оказалась фарфоровая статуэтка в виде небольшого ангелочка с позолоченными крылышками. Руки мои задрожали, плечи стали выбивать мелкую, несдерживаемую дрожь, и я заплакала.

— Что с тобой, девочка? — изумилась пожилая женщина. — Почему ты плачешь? Ты чего-то испугалась? Говорила она на ломанном русском языке, но я ее понимала.

— У меня был такой же ангелочек, — прошептала я сквозь слезы, — но его отобрали, когда заставили сдать вещи перед тем, как нас затолкнули в вагон... он остался там... Я не смогла спасти моего ангелочка. Он всегда был рядом со мной и стоял дома, на моей голубой тумбочке. Когда мы убегали, я хотела спасти его и взяла с собой, потом был концлагерь...

Я снова заплакала, и почему-то мне показалось, что при этой пожилой даме в белом ночном чепчике я могу плакать громко. Впервые, в отсутствии мамы, я заплакала в голос.

— Девочка моя, бери! — повелительно, но ласково сказала пожилая женщина.

— Это твой ангел. Он нашел тебя и прилетел сегодня, и уже никогда тебя не оставит. Он будет всегда хранить и защищать тебя от бед. Ты всегда будешь счастливой. Ты должна ему верить, чтобы ему было легче помогать тебе.

Я прижала фарфорового ангелочка к груди и боялась выпустить его из рук. Все мои годы дальнейшей жизни эта фарфоровая фигурка была со мной, и сейчас она в моей комнате. В дальнейшем я несколько раз видела таких фарфоровых ангелочков в разных домах, как и белых слоников на тумбочках. Сейчас я понимаю, что пожилая женщина подарила мне самую обыкновенную фарфоровую статуэтку, которой украшали в то время многие дома, но я сразу поверила, что это именно тот ангел нашел меня, который мне дарила мама, и с которым мне пришлось расстаться перед концлагерем. Я всю жизнь вспоминаю фрау Моннику. Она считала, что ничего не могла сделать для меня значащего, но именно немецкая пожилая женщина с добрым сердцем дала мне надежду на счастливую жизнь. Ангел мамин вернулся ко мне, и я верила, что он будет помогать мне и будет всегда со мной.

Первое платье

Вернувшись с рынка, хозяева дома одарили детей подарками. Особенно мне нравились, как девочки — Габриель и Петра — примеряли свои новые платья. Оказалось, что с рынка и мне привезли подарок — голубой кусок штапеля с черными завитушками и желтыми колосьями. Рисунок на новенькой, пахнувшей краской ткани напоминал мне голубое небо и поле ржи, расположенное недалеко от нашего дома в довоенное время.

Я робко спросила хозяйку, могу ли я сшить сама это платье. К моему удивлению, а возможно, из-за экономии, фрау Гертруда сразу согласилась, и мне разрешили подойти к швейной машинке и пользоваться ей. Хозяин Фрэнк спросил, могу ли я заправлять нитки, ставить челнок и вообще видела ли швейные машинки. Машинку я видела несколько раз в бабушкином доме, и мне очень тогда хотелось на ней строчить для кукол платья, но бабушка строго настрого запретила подходить к дорогой вещи, пока не вырасту. Я могла только смотреть, как бабушка ловко заправляет нить в иголку, как вставляет челнок, как ведет строчку. Бабушка моя, пожалуй, была единственная в деревне счастливица, которая имела свою швейную машинку и очень этим гордилась; берегла ее и никого не подпускала, кроме как желающих понаблюдать за ее умелыми и быстрыми руками.

Свое первое платье я шила с большим усердием в свободное время от вмененных забот по дому и ферме. Я сшила короткий рукав фонариком, кругленький воротничок, какой видела на мамином платье, в котором она уходила на работу в поликлинику. Сшить такой же воротничок с пуговицами, как на мамином платье, у меня не получилось, и потому я сделала разрез под воротником и аккуратно обшила его кусочком основной ткани. Под воротничком получилась маленькая «капелька» — вырез,

чтобы легко проходила голова. «Капелька» завершалась двумя сшитыми из той же ткани тесемками, которые завязывались на шее бантиком. Кто учил меня этому? Никто. Я не знала ни одного приема строчек. По малолетству еще не успела ничему научиться ни от мамы, ни от бабушки. Перед самой войной только начала обшивать своих кукол из лоскутков ткани, которой всегда не хватало на полноценное платье, и приходилось фантазировать, чтобы одеть куклу понаряднее. И вот оно — мое настоящее первое платье, сшитое моими руками. Оно мне казалось самым красивым на свете, а я в нем — самая нарядная. В платье ходить мне было некуда, но когда мистер Фрэнк и фрау Гертруда в дом приглашали гостей с соседней фермы, мне позволяли надевать свое платье. Это были самые счастливые дни детства. Я забывала, что я невольница в чужой семье, что жизнь моя полностью зависит от этих людей, которые могут и приголубить, и выгнать. Во все другие дни я снова и снова занималась хозяйством, убирая за животными и людьми. Так я прожила в семье Кляйн семь лет. Война закончилась, но мне идти было некуда, а хозяевам терять бесплатную домработницу не хотелось. Жизнь моя по-прежнему протекала на ферме, но уже с другими обязанностями.

Пальто

Однажды фрау Гертруда попросила помочь меня прострочить прямые швы на пальто, которое она решила сшить сама для младшей дочери Петры. Я так увлеклась этим занятием, что не заметила, как за две ночи сшила пальто: пришила рукава, подкладку и даже вышила цветы на карманах. В результате получилось пальто, которое не встретишь ни в одном магазине. После того, как я сшила это пальто, меня освободили от работ на скотном дворе, и я стала обшивать всю семью, тем самым экономя не малые деньги для семьи Кляйн. Вскоре фрау Гертруда стала при-

нимать заказы от соседей и от фермеров других селений. Пожилая фрау Моника помогала мне придумывать фасоны, поднимая из памяти своей молодости эскизы элегантных женских нарядов. О вещах, сшитых в семье Кляйн, стало известно не только в округе и я уже с заказами не справлялась, хотя сидела за машинкой день и ночь, до ломоты в спине и слипания глаз от недосыпания. Иногда я засыпала прямо на швейной машинке, а однажды чуть не прошила себе пальцы. Шить на машинке Зингер было одно удовольствие, и я строчила без остановки. Вскоре хозяева на работу приняли двух девушек-румынок, которые стали строчить вместе со мной вещи на заказ. Я больше стала заниматься кроем одежды. С появлением в доме двух девушек и, видя, как они зарабатывают на швейном деле, у меня стала зарождаться мысль, что и я могу зарабатывать шитьем, а, уйдя из семьи Кляйнов, могу стать самостоятельной. Я все еще грезила мечтой найти мою маму. А вдруг она действительно в тот вечер в концлагере просто не успела вернуться с работы, а не погибла и не попала в газовую камеру, как и другие. Девушки-швеи рассказывали мне о своих судьбах и говорили, что копят деньги, чтобы уехать из Германии и приехать домой с подарками. Они копили деньги, и у них был шанс. Мне денег не платили и, как мне объясняли подростки дети хозяев: «Тебе зарплата не положена, ты здесь живешь...»

Помогла мне все та же уже совсем постаревшая фрау Моника, которая в первые дни моего пребывания в семье Кляйнов подарила мне фарфорового ангелочка. Она поставила вопрос ребром перед своим сыном Фрэнком, заявив, что пора девочку легализовать и отпустить на свободу.

— Ей надо найти родственников, — строго завершила свой монолог фрау Моника и захлопнула за собой дверь. Сделала она это так решительно, выезжая из комнаты на инвалидной коляске, что ее сын — мистер Фрэнк был окончательно убежден в правильности своих назревавших

мыслей и больше не слушал никакие доводы жены, что живет эта русская в их семье так, что многие могут только позавидовать. Мне, действительно, повезло, что я попала в эту семью после концлагеря, что так или иначе члены семьи заботились обо мне, но из заботы прятавших меня людей я уже выросла, как давно выросла из первого сшитого мной штапельного платья. Да, в этом доме я нашла приют, безопасность, но для моего сердца здесь никогда не было тепло, а было даже холодно от подчеркнутой педантичности и скупости хозяев. Тепло в этом доме мне было только от железной печки, гордо называемой «старинным камином»; да и то у печки я не сидела ни разу, а тепло от него чувствовала на расстоянии. Тепло мне было в этом доме лишь от того, что рядом был белый фарфоровый ангел, да иногда разговаривала со мной пожилая фрау Моника.

Вскоре я вместе с румынскими девушками поехала в город, чтобы получить свои первые документы и подать заявление на выезд в СССР.

Пароход

Стоя в очереди для подачи документов, я познакомилась с молодой девушкой и юношей из Советского Союза — Михаилом и Ньюрой. Ньюра рассказала мне, как в Калинин забрали ее родителей в лагерь, узнав, что их дочь попала во время войны в плен. Отец Ньюры вернулся с фронта и его тут же забрали вместе с мамой «красноперые», как назвала их Ньюра, посчитав отца и маму «врагами народа», которые вырастили такую дочь, которая не смогла защититься и попала в Германию. У Ньюриной мамы была статья еще и за то, что во время войны она сама находилась в Калинин — на занятой фашистами территории. «Вестей от родителей больше нет», — с дрожью в голосе рассказывала Ньюра. Через советского консула — знакомого семье, в которой она проживала, Ньюра узнала это известие и

получила дружеский совет: «В СССР не возвращаться...» Михаил и Нюра стояли со мной в очереди, чтобы подать заявление и уехать в любую другую страну, но не в СССР. Тогда принимала беженцев Америка, Канада, Австралия, Англия, Франция. Они решили ехать в Америку. Я не принимала никакого решения и не знала в какую страну мне ехать, но поняла, что после концлагеря мне домой возвращаться нельзя, чтобы не навредить родителям, сестрам. Я верила, что все они живы и после войны счастливо проживают в Советском Союзе.

Всех нас — беженцев из Германии — отправили в Италию. Там продержали около четырех месяцев. Михаил и Нюра, став к тому времени мужем и женой, уехали из Италии в Америку. Я, поскольку отвечала, что мне все равно в какую страну ехать, — попала в Австралию. В списки для отправки в Австралию попали и другие русские: молодая семья — муж и жена — и еще две девушки. Вместе со мной нас плыло на пароходе в Австралию пять человек. Почти месяц мы плыли до Брисбена. Я уже потеряла счет дням. Может, это было три недели, но мне показалось безумно долго. Уж очень далеко находился этот пятый континент, о котором я раньше не слышала никогда, кроме как в очереди за визой. Я даже расписываться не могла, подписывая в первый раз эмиграционные документы. Став в шесть лет узницей концлагеря, а потом домработницей, я к семнадцати годам осталась совершенно безграмотной. По-немецки говорила лучше, чем по-русски, и могла читать вывески на немецком. Письменной грамотой не владела. Сидя на палубе парохода, я часами смотрела на воду, на горизонт, до которого, казалось, никогда не доплыть, и понимала, что уже никогда не увижу родной стороны. Кто-то плакал, кто-то молчал часами, кто-то танцевал на палубе. Я равнодушна была ко всему. Плакать я разучилась, а веселиться не научилась.

Вот, наконец, показался берег. На пароходе объявили, что мы подплываем к славному австралийскому городу Брисбен. До сих пор не знаю, как русской молодежи Брисбена стало известно, что на пароходе плывут русские беженцы. Не успели мы сойти с парохода, как нас окружила молодежь с возгласами приветствия, с криками радости, обнимая нас, как родных. Я была ошеломлена их энергией, задором и открытостью чувств. Они обнимали нас, хватали узлы с вещами, девушки что-то безудержно тараторили, и все в голос убеждали, что мы теперь дома.

— Вы в самой лучшей стране мира! — кричали девушки и парни...

За многие годы скитаний я, пожалуй, впервые улыбнулась, и это была не вынужденная улыбка немецкой вежливости, а искренняя и открытая. Впервые я услышала, что слово «русская», сказанное в мой адрес, произносилось не с брезгливостью, которую я постоянно улавливала в голосе хозяев, а слово «русская» в устах этих молодых людей звучало пронзительно гордо. В висках судорожно забило: «Я — русская! Я — русская!» По щекам моим текли слезы, а может, это был дождь, который только начал накрапывать? «Я — русская! Я — русская!» — снова било в висках. Чем громче произносила я эти слова, тем обильнее текли слезы по моим щекам. Меня обнимали незнакомые люди, что-то кричали, стараясь перекричать прибывших беженцев и встречавших людей. Мой фарфоровый ангел был в моей маленькой сумочке, подаренной мне фрау Моникой. Я крепко прижимала к груди и боялась, что во время объятий эти незнакомые, счастливые русские могут уронить мою сумочку, и ангел счастья разобьется. Ничего такого не случилось. Нас на легковой машине (потом я узнала, что на чьей-то родительской машине) привезли в Русский Клуб. Это был клуб на Стенли стрит. Первые слова, которые я услашала, а потом и выучила на английском языке были: «Imperial Hall Stanly Street»

Брисбен

Брисбен мне показался не очень уютным городом, но пригороды его очень понравились. Поселили нас в небольших комнатах в дощатом доме, в районе Вуллунгабба. Это тогда считалось от центра города далеко. На дворе стоял 1951 год. Продукты питания, одежду, топливо, обувь в Квинсленде в то время получали по карточкам.

Уже через три дня я вышла на работу и строчила простыни и занавески на одной из фабрик, которую организовала в Брисбене русская женщина. Я не собиралась говорить, что в Германии я шила не только простыни, но и элегантную одежду для модниц. Я больше молчала, чем говорила. Мной было так много пережито, что совсем не хотелось разбрасываться словами. В цехе быстро привыкли к моему постоянному молчанию, и никто не пытался меня разговаривать или рассмешить порой неуместными утренними анекдотами. Новым людям, показывая на меня, говорили: «Она у нас молчаливая и потому самая умная, и еще она самая добрая. Ничего ни для кого не жалеет, хоть что у нее попроси — отдает, не задумываясь. То ли ценности не видит в вещи, то ли ни в чем сама не нуждается?..» Нуждаться теперь я и, правда, не нуждалась, как раньше, хотя экономить приходилось ежедневно, а иногда очень жестко, выделяя себе на день два кусочка хлеба и два стакана чая. Хотелось красиво одеться, как одевались женщины в праздник в немецкой семье, которую я часто вспоминала. Поймав себя на размышлениях о красивой одежде, я обрадовалась этому чувству. «Значит, я не умерла и все еще живу», — подумала я, и стало мне от этого умозаключения радостно. Я еще долго прислушивалась к себе, живу ли я на земле, или уже это жизнь в другом мире. Австралия поражала меня своим цветением садов, пением птиц, нескончаемым летом, где я не мерзла, не голодала, где я впервые была свободной. Я всем сердцем полюбила эту страну и навсегда.

Вскоре мне помогли поступить в вечернюю школу для взрослых, и я начала изучать английский язык. Письменному русскому языку и чтению меня учила молодая девушка Антонина, которая прибыла в Австралию, бежав из России вместе с родителями через Персию.

Не смотря на трудности и большие ограничения в бытовой жизни, русская молодежь хотела общаться. По выходным активисты, взявшие шефство над беженцами, приглашали нас в Русский Молодежный Клуб на Стенли стрит. Я без особого желания шла туда — исключительно для того, чтобы поддержать компанию девушек-соседак. К тому же в здании, в котором располагался клуб, находился супермаркет, где я покупала хлеб и картошку. Русская молодежь ставила спектакли, собирая в зале по 350 человек. Большой популярностью русские спектакли пользовались у австралийцев. Пьесы ставили по классическим произведениям русской литературы, иногда сами сочиняли сценки на тему войны. Во время спектакля про войну, чтобы не разрыдаться, я выходила из зала и слышала за спиной, как взрослые высказывали догадки в мой адрес о том, что «эта из Европы пренебрегает спектакли про войну, потому что слишком молодая и не успела узнать, что такое война...» В такие моменты я снова надолго уходила в себя и не хотела оттуда возвращаться.

Однажды меня попросили встать в певческий хор и спеть вместе со всеми «Казак молодой» Слов я не знала, но тут же выучила в ходе репетиции, за что Гриша Пожарский и Шура Ситникова меня похвалили. Так я узнала, что могу петь. Потом стала исполнять сольные песни, романсы, и всякий раз заканчивалось мое выступление слезами зрителей, которые потом долго не отпускали меня со сцены. Режиссером всех спектаклей и концертов был молодой барон из Харбина по имени Вячеслав. Он и посоветовал мне поступать учиться в консерваторию. Он не знал,

что я не имею ни малейшей грамоты, но спасибо ему за совет. Я обрела мечту, и жить мне стало легче. То, что я после концлагеря и, как выжила после него, я никому не рассказывала. В то время я не нашла бы слов и сил рассказать кому-то об этом.

Все дни теперь мои проходили в работе на швейной фабрике, вечера — в учебе, а в выходные дни я стала петь в церковном хоре. Во время концертов в клубе я все чаще была на сцене в качестве солистки. Незаметно для себя я обрела популярность у зрителей. О, если бы только знали люди, слушавшие меня, какую душевную боль мне причиняло мое исполнение каждой песни. Я пела про российские поля, а перед глазами снова возникали сцены, как в траве истекает кровью братишка, как под лай немецких овчарок мне грызут руки за кусочек мякиша, как я сама за крошку хлеба вгрызаюсь в чей-то палец, и уже никто не может меня от него оторвать...

На юношей, которые приходили в Русский Клуб и пытались ухаживать за мной, я не обращала никакого внимания. Меня до брезгливости раздражало их навязчивое джентльменское внимание. Я понимала, что моя болезненная неприязнь к этим галантным молодым русским людям, оказывающим мне знаки внимания, — это последствия нечеловеческих травм, которые я пережила девочкой, будучи узницей, а затем пленницей в немецкой семье...

Любимый

Он появился в моей жизни совсем неожиданно. Приехав из Сиднея в Брисбен к друзьям, Павел пришел в клуб на концерт. После моего выступления передал на сцену записку, где было написал одно слово: «Спасибо!» Почему-то это слово, написанное тайно незнакомым человеком, было для меня громче всяких аплодисментов. В тот вечер неизвестный благодарный зритель ко мне

не подошел, и больше записок не было. Через две недели мне снова передали записку на сцену, написанную тем же мальчишечьим, корявым подчерком и с тем же единственным словом «Спасибо!» Так повторялось несколько раз и с разными интервалами — в две, три недели, иногда через месяц. Потом, каждый раз, когда должна была появиться таинственная записка, я чувствовала, что загадочный незнакомец в зале. В такой вечер мне пелось особенно легко. В один из вечеров я пела, как никогда, на высоком душевном подъеме, и в глазах моих стояли не сцены переживших страданий, а мой белый фарфоровый ангел. Его фарфоровые крылышки ожили, все также сияя золотой пылью. Ангел из детства кружил прямо перед моими глазами. Я пела с таким воодушевлением, что казалось, сама отрывалась от сцены и парила над залом вместе с ангелом. Я была уверена, что таинственный автор записок сегодня в зале, но записки после концерта не последовало. Я ушла за кулисы с чувством обманутой девочки и недополученных аплодисментов. Выходя из клуба после концерта, я увидела у двери молодого человека с букетом крупных ромашек и сильно разволновалась. Молодой человек тоже заметно волновался, но все же пошел мне на встречу и не преподнес мне цветы, а как-то неуклюже втолкнул их мне в руки. Несколько ромашек выпали из букета. Молодой человек стал собирать упавшие на пол цветы и, поднимаясь, стукнулся головой о мое колено. Его неловкость несколько остудила мое волнение и я, краснея, задала, как мне показалось, самый нелепый вопрос:

— Это вы?

— Это я, — ответил юноша, поднимаясь и еще более смутившись.

На улицу из клуба мы вышли вместе, и он мне сразу сказал, что приехал просить моей руки и сердца, и ответ мой должен прозвучать не позднее, чем завтра.

— Мне надо решить, переезжаю я в Брисбен, или нет, — говорил он торопливо, запинаясь на каждом слове.

Вид у него был, как у испуганного мальчишки, у которого собрались отнять что-то очень важное и, если он не успеет это важное прижать к себе, то потеряет его навсегда. Видно было, что он готовился к речи заранее, а теперь, растеряв все слова, собирал их в несвязную речь. Это выглядело так же волнующе, как рассыпавшиеся ромашки из букета у ног и стукнувшаяся голова о мое колесо. Нет, он не выглядел в эту минуту глупцом и недотепой. Он выглядел влюбленным человеком, окончательно потерявшим голову.

— Меня переводят на работу в Брисбен, но с правом выбора — «да или нет», — продолжал юноша. Если вы говорите мне «да» и согласитесь, стать моей женой, то я переезжаю сюда. Если ваш ответ отрицательный, то делать мне в Брисбене нечего...

Его прямота без лишних подходов и недомолвок была настолько искренней, что я опешила. Заметив, что после сказанного он совсем растерялся, и вдруг может уйти опять на три недели, а то и более, я неожиданно для себя выпалила:

— Да! Я согласна!

Мы оба стояли изумленные тем, что все так просто разрешилось, и не могли придумать, что делать дальше.

— Павел, — представился жених и засиял такой очаровательной улыбкой, за которой я пошла бы на край света.

— Соня, — ответила я, смутившись еще больше.

Через две недели Павел приехал в Брисбен с двумя чемоданами неприятных вещей. Мы подали заявление в загс и обвенчались в Свято-Николаевском соборе. Свадьбы у нас не было, а только небольшая вечеринка с его родителями и друзьями. После медовой недели Павел уехал в очередной рейс по перевозке грузов по Австралии.

Семья

Слово «Семья» — это самое сокровенное слово для меня, которое жило во мне и часто кружилось в моих воспоминаниях. Все самое лучшее в моей жизни было связано с этим словом. Моя счастливая семья с мамой и папой, с сестренками и братом, осталась в довоенном детстве, в тихой, с цветущей черемухой деревне. Я не знала, кто остался в живых из моей семьи после войны. Смерть я видела только восьмилетнего братишки, оставшегося лежать на дороге при перегоне нас из деревни Городная. В смерть других членов семьи я не верила.

С замужеством в Австралии я обрела семью и ценила это больше всего на свете. Ради Павла я могла бы бросить сцену, любимую работу, жить в лачуге, готова была даже снова голодать, хотя голода я очень боялась. Готова была на любые лишения, лишь бы быть рядом с мужем. Я впервые была счастлива так, что просыпалась в пять часов утра с единственной целью, чтобы предстоящий день показался для меня длиннее, потому что в этом дне был Павлуша. Мое сердце радостно покалывало от мысли, что у меня есть муж, что утром я проснусь на его плече, что мы будем мечтать, говорить, строить планы, провожать друг друга на работу... А потом ждать и ждать тех минут, когда рабочие часы закончатся, и мы полетим друг другу на встречу, не отвлекаясь ни на магазины, ни на друзей. Время ожидания с работы мужа всегда казалось несправедливо долгим. Я ежесекундно думала о нем. Если Павел при возвращении из рейса был дома, то я заботилась о нем, а он обо мне так, что у нас у обоих кружились от счастья головы. Иногда мы ранним утром одновременно вскакивали и бежали на кухню, чтобы успеть захватить первенство по готовке завтрака. А иногда оба ленились помыть посуду, потому что не могли оторваться друг от друга и жалели время на такую житейскую тривиальность, как грязные

тарелки. Нет ничего выше чувства любви. Никакое золото и успех не заменят радость, которую получаешь рядом с любимым человеком.

С первого дня мы с Павлом стали мечтать о детях. Говорили о том, как будем их воспитывать, что будем им разрешать, а что запрещать. Иногда спорили и тут же оба соглашались друг с другом. И снова спорили: «Нет, это ты был прав!» «Нет, ты права!» Снова искали единое решение. Мы даже стали ходить в детские отделы магазинов, мечтая, какие мы купим малышу игрушки, коляску, ботинки. Опять спорили и смеялись над собой.

Ничего этого не случилось. Малыш не хотел появляться, и мы начали волноваться. Стали обращаться к докторам. Причина бесплодия оказалась во мне. Начались хождения по докторам, лечение, разочарования. Обиды на себя и на весь мир. Прошло пять лет после свадьбы, но детей у нас так и не было. Павел уверял, что это для него не трагедия, что можно ребенка усыновить или удочерить из приюта, дать сироте шанс жить в счастливой семье, с любящими мамой и папой. Я постоянно копалась в себе. Боялась, что не смогу полюбить чужого ребенка, и очень хотела, чтобы малыш был только Пашин. Снова наваливались воспоминания концлагерного детства, изуродованной войной юности в домработницах, из души вырывались проклятия в адрес тех, кто разжег войну. До боли в ушах ненавидела гнусного, уже немолодого соседа по ферме, заманившего обманом меня — четырнадцатилетнюю девочку — в свой хлев с просьбой помочь собрать куриные яйца в труднодоступных местах и изнасиловавшего со зверским цинизмом и с ехидным смехом дряхлеющего развратника. Вспоминался тот ужас, который я пережила в те минуты, хруст сломанной руки, боль от разрывов, последовавшие скандалы соседа с моими хозяевами, оговоры. Мои хозяева и фермеры-соседи с трудом договорились и сошлись на мировой.

Кто понесет расходы по организации криминального аборта малолетней русской домработнице? Аборт был сделан в домашних, нестерильных условиях...

В 1960-ые годы в Брисбене, как по заказу, каждую неделю в не постовое время играли русские свадьбы. Потом стали рождаться один за другим дети. Мы с Павлом уже потеряли всякую надежду, что станем родителями.

Письмо из Хабаровска

В 1971 году родителям Павла пришло письмо из Хабаровска, в котором говорилось, что там проживают их близкие родственники. Письмо шло через разные руки полгода. Еще через год отцу Павла — Николаю Тимофеевичу — пришло письмо с фотографией его сестер. Бывший офицер царской армии Николай Тимофеевич, вынужденный оставить свою родину в двадцатые годы XX-го столетия, по политическим соображениям посетить Родину не мог, но постоянно говорил с сыном о своей мечте побывать в России. Даже, если бы он собрался ехать в СССР, то по состоянию здоровья не осилил бы эту поездку. Павел пообещал престарелому отцу, что когда-нибудь он непременно посетит дом отца и привезет ему землю и весточку с Родины.

Ждать о решении моего Павлуши долго не пришлось. Он всегда исполнял обещанное. Павел все чаще стал говорить о поездке в СССР и о том, что все там теперь уже хорошо, народ счастлив. И еще он внушил себе, что побывав на Родине родителей, поклонившись тем местам, где корни берет его род, осуществится и наша мечта — появится долгожданный малыш. Если бы я знала, что муж, действительно, решится на поездку в Советский Союз, я бы после первого нашего разговора о детях, сразу бы усыновила несколько детей, но я была упряма. Все разговоры об усыновлении переводила в шутку или на другие дела, как мне казалось более существенные на тот момент. В один из дней Павел был особенно убедителен, как будто он сам

себе доказывал правильность своего решения. В тот вечер он показал мне купленные билеты до Хабаровска.

Улетал Павел в Россию ранним субботним утром 18 августа 1973 года. Такого холодного утра в Австралии давно уже не было. Меня с собой он категорически не брал и говорил, что он будет чувствовать себя спокойнее, если я останусь в Австралии. Уверял меня, что то время, которое он будет в России, пролетит быстро.

— Так же быстро, как я уйду в рейс, — успокаивал он меня, целуя в нос, лоб, губы. — Я должен лететь ради нас с тобой. Я уверен, что земля отцов поможет нам. Я должен это сделать и ради моих родителей, которые уже в преклонном возрасте и все мечтают о горстке земли со своей Родиной...

Все это звучало убедительно, горячо, искренне, но вместе с тем очень тревожило меня. С тех пор, как мы поженились, мы никогда не расставались, более чем на две недели, а тут он уезжал на целый месяц.

Павел улетел. Через два дня мне сообщили, что он погиб в автомобильной катастрофе, так и не добравшись до дома своих родственников. Похоронили его сестры Николая Тимофеевича на городском кладбище Хабаровска. Родителям Павла они написали письмо, в котором сообщали о похоронах, что очень жаль Павлушу, что сами они живут в СССР очень счастливо, а бабушка Павла — Параскева Игнатьевна — ждет всех родственников из Австралии в гости. Параскевы Игнатьевны — матери Николая Тимофеевича уже не было в живых более десяти лет; скончалась она в Сиднее в 1963 году. Из письма мы поняли, что лучше в Советский Союз из Австралии никому не приезжать...

И снова боль воспоминаний

Что я пережила с потерей Павла — это невозможно описать никакими словами, не передать моих чувств ни в одной книге. Замуж я больше не выходила. Во мне как-будто

что-то умерло, оторвался маятник жизни. Чтобы забыться и осуществить мечту Павла, поступила учиться в Брисбенскую консерваторию по классу вокала. Ходила на учебу с чувством выполнения долга и пела на сцене лишь потому, что о моей учебе мечтал Павел, пророча мне яркое будущее известной русской певицы. Во время учебы я полностью ушла в австралийскую среду и осталась там навсегда. Вряд ли кто меня вспомнит из русских сегодня, если только глубокие старики. Из тех, кто встречал нас с парохода в Брисбене в 1951 году в сияющий солнцем австралийский январь, уже никого не осталось в живых. Они были старше меня на 10-15 лет. Некоторых из них я проводила в последний путь. О кончине других слышала случайно. С каждым уходом представителей той задорной, энергичной молодежи, которая силой вытащила меня на сцену Русского Клуба, от меня уходит часть меня. Сейчас я чувствую, что таю с каждым днем. Я ухожу. Вместе с тем я хочу признать, что прожила не бесцельную, не пустую жизнь. Австралия, принявшая одичавшую девочку — дитя чужой страны — с материнской заботой, залечила мои кровоточащие десятилетиями раны. Я благодарна этой стране. Я благодарна судьбе, что жизнь свою завершаю на этом зеленом острове, где должны жить только ангелы. Никогда никто не услышал от меня то, что я рассказала сегодня вам. Никто из русских не знал, что я была шестилетней узницей в концлагере, что мой детский труд эксплуатировался так, что я засыпала, падая в навоз под коровой. Никто никогда не слышал о мерзких сексуальных притязаниях взрослых, которые я пережила, будучи домработницей... Я впервые говорю об этом. Я знаю, что вы, Людмила, не откроете мое имя, и моя судьба не станет посмешищем ни для кого. Никто не будет разбирать моих костей ни при жизни, ни после моей смерти. Возможно, вы напишите так, что читатели пожалеют ту маленькую несчастную девочку и будут делать все, чтобы не было войн на земле.

О своей боли и переживаниях я научилась молчать с того момента, когда лежала под вонючими тряпками в вагоне на осколках стекла, когда мама сказала мне: «Чтобы не случилось, тебя больше нет...»

В эмиграции я также научилась молчать о своих переживаниях. Я научилась молчать о своих достижениях в карьере. Я очень скоро поняла, что среди русских успехами блистать опасно. Русские искренне помогают в беде. В горе они первыми придут на помощь. Им очень нравится быть покровителями, но не нравятся новости о чьих-то достижениях, особенно, если они когда-то были с тобой на равных. Среди австралийцев я могла не скрывать своих чувств и эмоций, но они в силу своей парниковой устроенности никогда бы не смогли понять то, что я пытаюсь им рассказать. Невозможно донести то, что пережили мы — дети войны — и ничто не оправдывает безумие войн, чинимое политиками. Я многие годы пела на австралийской сцене под чужим именем. Я имею награды за успехи, гастролировала по Австралии и за рубежом. Творческая карьера моя, как я считаю, удалась, но имя мое осталось неизвестным на моей родине и даже в русском Брисбене. Я не жалею об этом, а открываться сейчас уже нет смысла. Я пела в церковном хоре в русской православной церкви в Брисбене, но от церковных людей держалась далеко. Бог был во мне, в моих молитвах и хранил меня, послав мне в утешение фарфорового ангела, который был со мной рядом всегда. Я везде носила его в сумочке, а, вернувшись домой, ставила с иконами. Богу я молилась в одиночестве.

Позаботьтесь о фарфоровом ангеле

Мой фарфоровый ангел побывал со мной в 1989 году на моей родной земле, в Белоруссии. Я нашла свой дом, встретила со старшей сестрой — единственной, кто остался жив из моей большой семьи. То, что шестнадцатилетняя Маруся пережила после того, как нашу семью

расформировали по разным путям назначения, втолкнув ее в вагон, увозивший молодых сильных девушек в Германию, — об этом надо писать отдельно. Жизненный путь моей сестры — узницы немецкого концлагеря, а после войны пережившей ужасы советского лагеря, — это еще страшнее, чем мой рассказ о моей жизни.

После моего путешествия и возвращения из Советского Союза, мне не стало легче. К моим переживаниям прибавилась ностальгия по родине. До этого свой поселок я практически не вспоминала. Мои воспоминания о родине замкнулись на воспоминаниях о брате, лежащем в окровавленной рубахе в траве, о маме. Воспоминания детства — это лай немецких овчарок и страшные ночи в казарме. После посещения родительского дома, где когда-то на голубой, крашеной масляной краской тумбочке стояла статуэтка моего ангела, я стала сильно тосковать по родине. В дом наш, в Полесье, после войны не вернулись ни папа, ни мама. На папу хранится у меня похоронка, которую передала сестра. Я привезла желтый, выгоревший листок похоронки в Австралию и храню, как реликвию моей уничтоженной войной семьи. Зачем я привезла ее сюда? Даже не знаю. Вместе с похоронкой привезла фотографии сестры и ее детей, а еще привезла свадебную фотографию мамы и папы. Это то, что осталось мне на память от моей семьи. Да и, конечно, со мной до сегодняшнего дня мой заботливый фарфоровый Ангел Хранитель. Я прошу вас, Людмила, принять этого ангела в свой дом. Пусть хранит он вашу семью и семьи ваших детей. Я ухажу спокойно, с чувством выполненного долга перед собой, перед страной, в которой я пела, в которой не испытывала голод, которая подарила мне любовь и хоть всего несколько лет, но счастливой семейной жизни. Мне не о ком сегодня заботиться, кроме как об ангеле, который заботился всю жизнь обо мне. Позаботьтесь о фарфоровом ангеле вы.

Послесловие

Последний разговор наш состоялся с Софьей Моисеевной в австралийском старческом доме, в Брисбене. Она очень настаивала взять фарфорового ангела, но я уверяла ее, что он еще ей пригодится и должен стоять на тумбочке рядом с ее кроватью. В правильности своих слов я была уверена. Я была уверена, что эта пожилая женщина, хотя уже и не могла передвигаться без посторонней помощи, но всегда ухоженная, элегантная, с высоко поднятой головой, не могла сейчас умереть. Старички, с гораздо худшим здоровьем, живут в Австралии на много дольше. Она не могла умереть сейчас, когда решилась рассказать о своей жизни, а в запасниках ее памяти и сердца еще было много того, что дало бы нам, оставшимся на этой земле, урок и опыт. Я видела, как ее вдохновляли наши встречи, с каким воодушевлением она рассказывала о прошедших днях своей жизни.

Я пообещала, что через три дня приеду к ней снова. Софья Моисеевна с трудом поднялась с кровати и, держась за ходунки, вышла в коридор провожать меня. При мне и молоденькой нянечке, которая помогала мне придерживать старушку, Софья Моисеевна старалась особенно бодриться, но удавалось ей это с трудом. Мы обнялись. Я уходила по коридору, а она стояла у своей комнаты, придерживаясь за коляску, привалившись к углу стены, и смотрела на меня, провожая взглядом. В руках она держала статуэтку. Я обернулась и увидела, как она снова протягивает мне ее, показавшись мне маленькой, беспомощной девочкой. Мне захотелось вернуться, обнять старушку, прижать к себе, как ребенка, но, видя, как нянечка поторапливает Софью Моисеевну, в ответ я деловито помахала рукой и скрылась с ее глаз. Мне показалось, что сегодня она была немного не в себе, но я была уверена, что ее фарфоровый ангел снова ей даст силы и надежду на жизнь.

Через два дня из дома престарелых мне позвонили и сообщили, что старушка, которую я навещала, умерла и перед кончиной просила передать, чтобы я забрала ее вещи и, главное хранила бы то, что она настойчиво просила меня забрать при последней встрече. Я поняла, о чем, уходя в иной мир, просила меня Софья Моисеевна. По телефону директор дома престарелых настаивал как можно скорее освободить шкаф и комнату усопшей. Я приехала в тот же день в комнату Софии Моисеевны. Кровать ее была аккуратно заправлена в ожидании другого резидента. Личные вещи лежали сложенными в шкафу. На тумбочке лежала стопка книг, которые Софья Моисеевна просила передать мне. Фарфоровой статуэтки нигде не было. Я спросила сотрудников, не видели ли они при уборке фарфорового ангела. Мне ответили, что он постоянно стоял на прикроватной тумбочке, что в последние два дня женщина не выпускала его из рук и все повторяла, чтобы ангела передали Миле. Статуэтку, которую умоляла меня забрать Софья Моисеевна, я так и не нашла. Фарфоровый ангел улетел навсегда.

Рисовая брошь

Повесть

Однажды, сидя в кругу друзей, я обратила внимание на необычную брошь в виде Будды в русской филигрании, приколотую на платье одной милой женщины. У броши оказалась необычная история. Беседовать в тот же день не представлялось возможным, и мы договорились встретиться, чтобы поговорить о семейной реликвии. Через два дня я была в доме хранительницы таинственной броши и записала историю, из которой родилась эта повесть.

Семья из города Борзи

Верочка Морозова родилась в поселке Борзи Читинской области не за долго октябрьской революции XX-го столетия. В семье она была восьмым ребенком и, как ее называла бабушка Матрена, баловнем судьбы. Семья Морозовых состояла из одиннадцати человек — восемь детей, родители и бабушка Матрена Ильинична. Отец — Семен Федорович — был очень трудолюбивым человеком и считался зажиточным хозяином, занимаясь земледелием на собственных полях. Мать — Мария Афанасьевна — занималась домашним хозяйством, была кроткой, молчаливой и искусной мастерицей по ткачеству холстов для домашней одежды. Мастерству учила и трех дочерей — Анну, Надю и Веру. Девочкам нравилось рукоделие, но больше всего нравилось, когда зимой натканые льняные холсты выносили на колючий сорокаградусный мороз под лучи забайкальского солнца, раскладывали на снег и ждали чуда отбеливания. Чуда на глазах не происходило, и на следующий день девочки снова выбегали на заваленный снегом огород, расстилали холсты, бросались снегом и веселились, как на Рождественской елке. Бабушка на правах

семейного мудреца давала советы и очень смешила девочек своими умозаключениями, шепелявя беззубым ртом: «Давеча солнышко грело справнее, тепереча — не шибко...» Все в семье ладилось, устраивалось с молитвой и с благодарением Господа.

Мирная жизнь семьи Морозовых, как и многих других семей в России, нарушилась с началом гражданской войны и революции. Тысячи людей семьями стали покидать Родину. В начале 1919 года положение жителей Забайкалья и всей России еще более ухудшилось. После принятия коммунистической партией в январе 1919 года директивы о массовом расказачивании казаков, фактически было официально объявлено о «казачьем Холокосте» Началось беспощадное поголовное истребление казаков, их семей, включая детей и стариков и всех, кто осмеливался помогать им. Троцкий писал: «Казаки — единственная часть русской нации, которая способна к самоорганизации. Поэтому они должны быть уничтожены поголовно...»

Семья Морозовых не относилась к казакам, но была в тесной многолетней дружбе с казачьими семьями и никогда не отождествляла себя как отдельное сословие. Для простых людей все жители России были единым народом. В краях Забайкалья, например, много жило татар, эвенков, монгол, китайцев, и все семьи жили дружно между собой. Глава семейства Морозовых — Семен Федорович — доставлял обозы фуража со своих полей всем, кому это было необходимо. Казаки заказывали фуража для своих коней больше других жителей. В один из дней Семену Федоровичу сообщили, что следующей ночью его заберут, чтобы заключить под стражу, а потом и уничтожить за поддержку казаков. Помогли Семену Федоровичу спрятаться татары, не так давно прибывшие в Забайкалье с Волги в поисках тихого жития.

Побег в Китай

*(Из воспоминаний старшей дочери —
Анны Семеновны Морозовой)*

После того, как отцу сообщили, что ему грозит опасность, мы видели, как вскочил он на коня по кличке «Атаман» и умчался со двора. Более трех недель отца не было. Все это время он прятался у татар, а потом разведывал, как перевести большую семью без потерь через границу в Китай. Вернулся отец к концу марта, когда стояли еще морозы и сообщил, чтобы срочно собирались из дома.

— Вещей много не берите. Скоро вернемся, — строго сказал он, готовя сани.

На следующую ночь, собрав небольшие узелки с бельем и сухарями, я — Аня, Надя, Вера и младший брат Иван с отцом — вышли из дома. Бабушка с мамой и четверьмя братьями остались ждать возвращения папы. Уходили мы в Китай. Стояла глухая ночь. Резкий ветер задувал под пальто и в валенки. Совсем низко висела полнокровная луна, переглядываясь со звездами на ночном недвижимом небе. Несколько километров нас везли в санях. Ямщик, сидя в длинном тулупе со здоровым, выше головы воротником, торопливо погонял лошадь, перемешивая русскую речь какими-то чужими, непонятными словами:

— Хурдан! Хурдан! (Быстрее, быстрее).

Детей ямщик тоже укутал в длинный овчинный тулуп, пропахший едким табаком и навозом. Потом шли долго пешком. Очень устали и хотелось есть. Саму границу перешли мы без особых сложностей. На пограничном посту стояли часовые, разговаривающие по-русски, сообщив нам, что граница с Китаем скоро будет закрыта:

— Вы не попадете назад, если задержитесь в Китае. Поговаривают о закрытии границы...

Эти слова заставили папу еще больше спешить.

Добрались мы на чужой стороне до села Драгоценка и остановились у русской семьи по фамилии Шваловы. Папа сразу же, после двух часов сна, переговорив что-то с хозяевами, поглядывая на нас, отправился назад. Еще через пару дней наша семья была уже вся в сборе. Село Драгоценка было центром селений, вокруг которого располагались станицы Попирай, Караванная, Верх-Кули. Теснились мы в небольшой деревянной холодной пристройке, построенной во дворе Шваловых для хозяйственных нужд. Потом нам помогли переехать в поселок Тыныхэ и устроиться в заброшенном, худом доме, но большего размера, в котором незадолго до этого умерла старушка, оставшаяся одна. Дом всем миром мы вскоре подлатали и стали в нем жить. Поначалу папа еще говорил, что к следующей осени мы вернемся в свой дом в Борзи, но потом все надежды на это отложил, завел несколько десятин земли и снова занялся сельским хозяйством. Все мы много работали и в сезон вместе с мамой вязали с утра до вечера снопы, ухаживали за овцами, доили коров. К 1928 году мы уже совсем обжились в Тыныхэ и не собирались никуда уезжать.

Бриллиантовый гребешок

Беда уже стояла за воротами, но никто не ожидал, что китайский конфликт из-за железной дороги (КВЖД) может унести сотни жизней мирного русского села Тыныхэ и других населенных пунктов Трехречья, где мы теперь проживали. Бежавшие из России русские беженцы, гонимые революцией и красным террором, плотно селились у притоков реки Аргуни. Самый многоводный приток назывался Гана. Здесь же свои воды несли притоки Дербула и Хаула. Места эти еще ранее были облюбованы забайкальцами, которые, свободно переходя китайскую границу, заготавливали здесь сено, охотились, выгоняли на пастбища домашний скот, иногда распахивали плодородные, никем не обрабатываемые земли. После революции здесь появи-

лось много селений с разночинным народом, преимущественно состоящим из казаков, старообрядцев. Село Тыныхэ было одним из таких селений.

Первой надвигавшуюся беду почуяла бабушка. В одно утро, проснувшись, как всегда, раньше всех, она сообщила, не подымаясь с полатей:

— Горе поджидает нашу семью. Видела я во сне, как три зубчика сломались на моем бриллиантовом гребешке...

— На каком гребешке, бабуш? — переспросила Наденька.

— На чесальном гребешке, что для закалывания волос, — ответила строго бабушка, подозревая, что над ней опять подшучивают ее любимые стрекотуньи-внучки.

Предсказанье бабушки о предполагаемом горе уже вскоре стало явью. Ранним утром следующего дня мы услышали выстрелы и увидели из окна, как с плоскогорья спускаются конные всадники. Вскоре всадники ворвались в село и с криками стали выгонять из домов людей. Младенцев выкидывали из люлек в окна, перерывали сундуки в поиске золота. Горели дворы, стояли крики обезумевших людей, выбегавших на улицу в ночных рубашках и кальсонах. Всех жителей согнали посредине деревни и велели следовать за всадниками, подгоняя штыками и прикладами. Налетевшие со стороны границы СССР каратели НКВД все говорили по-русски, выкрикивая: «Дави белых гадов!» Жители села с криками ужаса, но без сопротивления выбегали семьями на улицу, выводя детей и престарелых стариков. Никто не верил, что их вот так без суда и следствия на глазах детей и матерей будут расстреливать свои же русские. Собравшихся повели за околицу, остановили у кладбища. Переговоривши между собой, вооруженные всадники приказали женщинам с детьми расходиться по домам и «сидеть там, не высовываясь!» Мы с мамой, Надей, Верочкой и бабушкой побежали домой. Братьев Колю и Ваню погнали вместе со взрослыми мужиками

дальше. Папы и трех старших братьев в ту сентябрьскую ночь 1929 года по случайности не оказалось дома. Они во время охоты заблудились и решили остаться на ночь в лесу, чтобы не уйти в темноте дальше в тайгу. Над бабушкиным сном никто больше не смеялся. Все надеялись на благополучный исход ее предсказания. До последнего думали, что мужское население Трехречья, начиная с 14-го возраста угнали в Сибирь, где нужна была рабочая сила, а значит, что все живы и есть надежда на встречу. К вечеру того же дня мама и другие женщины поселка побежали искать забранных членов семьи в ту сторону, куда угнали мужчин. Недалеко от села они услышали вой и безудержный лай собак. Обнаружили овраг, в котором рылись обозленные собаки. В овраге лежали расстрелянные подростки, старики, здоровые мужчины. Их было около восьмидесяти человек. Все они были свалены в кучу и найти своих сразу было невозможно, пока не перевернешь все тела. До последней минуты мама верила, что Коленька и Ванечка живы и их не окажется в этой золотейшей яме, но желание ее не оправдалось. Она узнала по инвалидному ботинку сначала Колю, а рядом с ним увидела Ванечку, сцепившегося с братом руками «пальцы в пальцы» Ванечке было четырнадцать лет, а Коленьке пятнадцать. С детства папа подбивал Коле ботинок на правой ноге высокой подошвой от старой обуви, чтобы сравнять укороченную ногу со здоровой, поврежденную остеомиелитом во время эпидемии гнойных заболеваний еще в Забайкалье. Пережив шок и взрыв материнского воя от отчаяния, она вернулась домой, сообщив о горе нам. Бабушка, Матрена Ильинична, о силе духа которой люди всегда говорили, что ее «конем не стопчешь», скончалась в тот же час. Все случилось так, как предсказал ее сон о трех сломанных зубчиках на бриллиантовом гробешке. Хоронили мы братьев и бабушку в одной могиле. Другие соседские семьи потеряли тоже по несколько человек. Помню, что в тот день хоронили своих детей и мужа

Якимовы, Пешковы, с которыми наша семья была дружна. Двенадцать членов семьи хоронили Баженовы. Других фамилий мне уже не припомнить.

Снова в путь

Никто не знал, чем и когда может закончиться начавшаяся новая волна террора против казаков в России. Волны братоубийственной войны долетали и до Китая. Каждый день сообщалось о гибели русских людей в разных русских селениях Трехречья. Семен Федорович Морозов, потерявший двух сыновей и мать в Тыныхэ, решил двигаться с семьей в глубь Китая, подальше от границы с Советским Союзом. Путь он держал на Хайлар, но по пути, познакомившись с русской семьей из Харбина, решил добраться до Харбина, где и осел со своей семьей. Вскоре в Харбине он открыл магазин по торговле и ремонту швейных машинок «Зингер» Мария Афанасьевна занялась изготовлением фетровых шляпок для харбинских модниц. Надя и Аня окончили курсы парикмахеров, Вера училась на фармацевта. Павел и Константин получили работу машинистами на железной дороге. Работниками железной дороги могли быть только граждане Советского союза или Китая, и Павел с Костей решили принять советское гражданство. Остальные члены семьи Морозовых оставались в Китае лицами без гражданства. Младший из сыновей, восемнадцатилетний Федор, устроился работать охранником на железную дорогу, где приходилось воевать с хунхузами — местными организованными, вооруженными бандами. Во время ночного дежурства в 1931 году он погиб на железнодорожном мосту, зацепившись ружьем о мчавшийся поезд. Несколько километров паровоз протащил его тело по железнодорожным путям, разорвав в клочья. Это еще была одна невосполнимая утрата в семье.

Постепенно жизнь трудолюбивой новоприбывшей семьи из Трехречья в Харбин стала налаживаться, но с приходом японцев, многое в судьбе русских, проживающих

в поднебесной, снова стало меняться. После продажи Советским Союзом в 1935 году японцам железной дороги, русские, потерявшие работу на КВЖД, стали уезжать в СССР. Павел, к тому времени женившийся на дочери служащего КВЖД, посчитал своим долгом уехать с женой в Советский Союз, где в 1937 году был расстрелян вместе со своим тестем, как враг народа.

Константин, став гражданином СССР, после увольнения с железной дороги, стал много уделять внимания изучению призывов коммунистической партии, а затем русско-фашистскому движению, став членом Всероссийской фашистской партии (ВФП). Осенью 1936 года участвовал в подрывной акции против СССР, помогая японцам, но тем не менее, с началом второй мировой Войны не избежал японского лагеря, в котором просидел с 1941 по 1945 год. В начале 1950-ых годов, во время призыва советской партии на поднятие Целины, работал писарем в Российском Консульстве в Харбине, составляя списки отправлявшихся на работы в Казахстан. В один из таких списков включил добровольно себя и выехал в Советский Союз по призыву Родины. Больше о нем никто никогда не слышал.

Отца — Семена Федоровича Морозова — с приходом в Манчжурию Красной Армии забрали в лагерь. Сначала он работал на китайских угольных шахтах, откуда еще поступали весточки, но потом по этапу был отправлен в Советский Союз, где проработал в лагерях более десяти лет. После выхода из лагеря визу получить в Австралию не представлялось возможным, хотя дочери и жена хлопотали в течение нескольких лет. В 1965 году умер под Уссурийском от чахотки, полученной в лагере, так и не увидев семью.

Из семьи Морозовых к концу 1950-ых годов в живых остались только женщины — три дочери и их мать. Надежда и Анна в 1961 году со своими мужьями и детьми из Китая выехали в Австралию. С ними уехала и их мать — Мария Афанасьевна. Все они поселились в Брисбене.

Судьба Верочки

Судьба Верочки складывалась непросто. Окончив медицинское училище в Харбине, она стала работать фармацевтом и очень любила свою работу. Верочка вообще была очень влюбленной в жизнь. Она могла только любить или не любить кого-то или что-то, но среднего быть не могло. Так она сильно привязалась к двум сиротам, проживавшим во дворе их дома — Борису и Петру. Мальчики остались сиротами после смерти их матери, скончавшейся от туберкулеза в тридцатилетнем возрасте. Детям было семь и пять лет. Вдовец Николай Петрович Танаев, видя заботу Верочки о детях, не долго думая, сделал ей предложение руки и сердца. Верочка, поколебавшись, и жалая сирот, согласилась. Николай Петрович оказался очень сложным человеком и после свадьбы не давал лишний раз общаться с детьми, требуя внимание Веры только к себе. Поначалу Веру это даже забавляло, но когда его ревность доходила до агрессии, ее все больше настораживало суровое отношение отца к детям. Тем не менее, она родила ему сына Мишеньку и была счастливой матерью троих детей. Николай Петрович после рождения третьего сына стал еще более раздражительным, резким с детьми и начал настаивать на том, чтобы отдать старших мальчиков в чужие семьи. Такое иногда практиковалось между русскими родственниками в Китае, когда в семью бог не давал детей, или дети оставались сиротами. Не смотря на все просьбы и уговоры Веры, Николай Петрович официально оформив документы, отдал сыновей Петра и Бориса в разные семьи. Младшего сына Мишу, рожденного от Веры, он очень любил и не отпускал его от себя ни на шаг, также неистово ревнуя его и к Вере — матери ребенка. Отношения со временем между Верочкой и Николаем Петровичем стали невыносимыми, и она решилась на развод. После развода она потеряла возможность видеться с сыном.

Никакие уговоры, разговоры и суды не помогали. Чем настойчивее она просила о возможности общаться с сыном, тем страшнее были угрозы от бывшего, казалось, совсем обезумевшего мужа. Японские власти, которые правили тогда Китаем, не пытались помочь матери, становясь на сторону мужчины. В отчаянии Вера уезжает в Мукден — один из трех крупнейших городов Китая (после Пекина и Шанхая). Затем перебирается в Шанхай, но и там ее материнское сердце не успокаивается.

В конце 1940-х годов многие русские эмигранты стали покидать Манчжурию, и Вера, узнав, что в Гонконге есть «беженское общество», которое оказывает помощь всем желающим уехать из Китая, обращается за помощью о выезде. Общество называлось «Мировой Совет Церквей». После двух лет ожидания, она получает визу в Бразилию, садится на пароход и уплывает из Китая навсегда.

Рисовая брошь

Полтора месяца пароход с русскими беженцами плыл от Китая до берегов Южной Америки, покачиваясь на волнах, унося Веру все дальше и дальше в новую неизвестность. Чем дальше отплывал пароход от берега, тем безутешнее становилась боль расставания, разрывая сердце Веры от тоски к сыну. В какую страну увозил Мишеньку из Китая Николай Петрович — она не знала, но знала, что все русские, в том числе и ее сестры ждут визы, чтобы покинуть полюбившуюся страну — Китай, власти которого поставили цель — как можно скорее освободиться от иностранцев. Вера не знала, что ее ожидание визы в течение двух лет было самым коротким. Сестры с семьями разрешение на въезд в Австралию ожидали в течение девяти лет.

На пароходе, который увозил беженцев из Китая, было тесно, неудобно, но питание было организовано слаженно и подавалось во время. Ужинала и обедала Вера за одним и тем же столом, куда в то же время регулярно приходила

немолодая русская пара из Гонконга. Говорили они мало, только приветливо обмениваясь с Верой любезностями. Вере это сдержанное молчание нравилось.

В один из вечеров, как обычно, подали кругленькую плочечку риса. Рис был еще горячий, и Вера не спешила браться за ужин. Пожилые соседи, вежливо попросившись, оставили ее одну, и Вера снова предалась раздумьям. В голову лезли самые глупые мысли и одна из них никак не покидала ее воображение. Вере хотелось вскочить на борт парохода, метнуться чайкой и улететь, потерявшись в бурлящих волнах океана навсегда. Отгоняя навязчивые мысли, Вера безучастно воткнула вилку в остывший рис и почувствовала, что вилка не идет дальше, наткнувшись на какой-то твердый предмет. Попыталась еще раз проткнуть рисовый шарик. Мысль о желании улететь чайкой в океан постепенно стала отходить, и Вера вернулась в реальность. Рис снова не прокалывался. Тогда Вера стала осторожно разгребать рисовую горку вилкой и увидела в рисе непонятный белый предмет, похожий на не проваренный кусок риса. Тихонько вытащила его из тарелки и поскребла ногтем. В руках вырисовывался белый Будда, искусно вырезанный из слоновой кости. На спинке фигурки Будды крепилась металлическая застежка. «Рисовая брошь?» — изумленно прошептала Вера. Никаких излишеств в фигурке не было, но как-то сразу осенила радостная мысль: «Это счастливый знак!» Верочка слышала о заветных талисманах и о том, что означает фигурка Будды. Будда совсем не соответствовал ее православной вере, но и не навязывал ей свое преимущество и не требовал преклонения и молитв. Будда просто лежал на ее руке и обещал удачу — просто так, ни за что. Как будто от страха потерять этот лучик надежды на удачу и счастье, Верочка сжала фигурку крепко в своем кулаке и, не привлекая ничего внимания, тихонько вышла из-за стола. С тех пор Будда всегда был с ней и, действительно, приносил ей только удачу.

В Бразилии

Прибыв в Бразилию, Вера обосновалась в городе Сан-Паулу. С работой были большие сложности. Государственный язык в стране был португальский, но им она не владела, как впрочем и английским. Финансовых накоплений никаких не было. Тут Вера вспомнила про брошь с Буддой и решила поинтересоваться его ценой в ювелирной лавке. Будда для антиквара оказался загадочным. Старый антиквар Матеус долго разглядывал брошь под лупой и в заключение оценки положил на стол несколько эскудо. В португальской валюте Вера еще не разбиралась, и ювелир это заметил. Старый антиквар объяснил девушке, что этих денег ей хватит на месяц, но посоветовал по возможности быстрее выкупить брошь, поскольку у этого предмета может быть много покупателей.

Каждый день, после возвращения с биржи, куда Вера ходила для поиска работы, девушка заходила в ювелирную лавку, чтобы полюбоваться на свою брошь. Она уже начала волноваться, что не успеет выкупить брошь до того, как найдет работу. Старый ювелир, видя упорство русской девушки, предложил ей работу на несколько часов в день. Ежедневно Верочка приходила теперь в лавку не только любоваться брошью, но и чистить серебряные, медные изделия, поступавшие в продажу. Работая в антикварной лавке, Верочка научилась многим секретам бразильского бизнеса и со временем сама стала владелицей магазина комиссионных вещей, или как его сейчас называют «Second Hand». Это был магазин недорогих ювелирных предметов, а ежедневного пользования, и старый ювелир Матеус охотно ей подсказывал, как развивать свое дело. Бизнес «Second Hand» оказался для Веры очень интересным и даже познавательным. Вскоре, благодаря усердию Веры и ее умению любить то, чем она занимается, неприемное на первый взгляд занятие развилось до популярно-

го магазина, который назывался теперь не «Вторые руки», а «Магазин счастливых вещей» В нем продавалось все — от старых ботинок и зубной щетки, до гвоздя петровского времени, которым «подковали лошадь Наполеона» «Откуда в Бразилии предметы из России, Франции?..» — задавала Вера вопрос желающим подороже сдать в магазин предметы домашнего обихода. Легенды у предметов порой были такие невероятные и явно вымышленные хозяевами, что Верочке казались эти фантазии веселой игрой и сказками из старого сундучка, которые оставалось только записать. Магазин теперь заменял ей и семью, и друзей, но только не Мишеньку, о котором она постоянно думала, особенно, когда в магазин поступали чьи-то детские игрушки. Брошь с Буддой — талисман счастья — Вера обрамила в филигрань у искусного ювелира и хранила в серебряной шкатулочке как самую дорогую реликвию.

Страна, где есть родные души

Все годы, проживая в Бразилии, Вера не теряла надежды на встречу с сыном. Она ежегодно в одиночестве праздновала день рождения Мишеньки и мысленно представляла встречу с ним. За семь лет ведения своего бизнеса в Бразилии Вера стала не безбедным человеком и постоянно делала запросы по поиску своих родственников. Узнав, что сестры и мама попали в Австралию, стала ходатайствовать о том, чтобы самой получить право уехать в страну, где есть родные души. Знала, что Николай Петрович и ее сын Миша тоже где-то осели в Австралии. На сбор эмиграционных документов и ожидание визы ушли еще три года. В Брисбен Вера попала только в 1968 году. Встретилась с сестрами Анной и Надеждой, с их детьми — своими племянниками, но маму в живых уже не застала. По прибытии в Брисбен отыскала своего уже повзрослевшего сына Михаила, но встреча с ним принесла Вере еще больше разочарований. Двадцатипятилетний сын не хотел ее

признавать и многими манерами напоминал своего отца. Вера также разыскала в Сиднее своих двух пасынков, которых очень любила и заботилась о них, пока Николай Петрович не отдал сыновей в чужие семьи. Жизнь пасынков Петра и Бориса сложилась благополучно, и Вера Семеновна не вписывалась в сюжет их устоявшейся жизни ни тетей, ни знакомой, ни мачехой.

Замуж Вера больше не выходила и тратила годы на то, чтобы доказать сыну свою материнскую любовь. Заработанные деньги в Бразилии Вера щедро тратила на учебу и подарки для Миши. Часть скопленных денег ушли на помощь Николаю Петровичу, который в Австралии женился на женщине с тремя детьми и попросил у Веры в долг на покупку дома. Отдавать деньги он отказался, выставив Вере счет за воспитание Миши. Вера устроилась работать в аптеку помощником фармацевта и продолжала помогать сыну получать образование. В ответ от сына она получала только отчужденное молчание.

Окончив университет и женившись, Миша уехал с семьей жить в Аделаиду и не хотел поддерживать никаких отношений со своей родной матерью. Вера Семеновна, следуя за сыном, вскоре тоже перебралась в Аделаиду. Проживала не далеко от сына в одиночестве, надеясь, что сын все же с годами вспомнит о ней.

Михаил знал, что мать проживает рядом, но сердце его так и не дрогнуло. Вскоре скончалась старшая сестра Веры — Анна, а затем и Надя. Вера Семеновна почувствовала себя еще более одинокой. Перед уходом в дом престарелых, Вера Семеновна передала брошь своей племяннице Сонечке — дочери Анны. У Миши детей не было, и его семейный брак закончился разводом.

В последний день своей жизни Вера Семеновна была счастлива как никогда. В дом престарелых пришли ее навестить Миша со своей второй женой — Варварой. Варвара оказалась очень милой, улыбчивой девушкой, сообщив-

ла радостную весть, что к осени у них появится с Мишей первенец. «Надеются, что родится девочка», — улыбаясь добавила Варя...

Где сегодня Будда в русской филиграни?

Сегодня Софье Владимировне — дочери Анны (хранительнице броши) за восемьдесят лет. Она живет и здравствует в Аделаиде, удивляя всех своим энтузиазмом и талантом дизайнера: то по изготовлению бус, то по созданию панорам с австралийской флорой и фауной, то шитьем игрушек, кукол, фартуков. Недавно она передала брошь на хранение своей удочеренной племяннице — духовной дочери, проживающей в Брисбене, Елене Андреевне. У нее я и увидела это таинственное, вырезанное из слоновой кости украшение — Будду в русской филиграни. Эта милая женщина рассказала мне о судьбе Верочки Морозовой и историю Будды, хранящего русскую семью уже более шестидесяти лет.

Сын Верочки — Михаил Николаевич, получив хорошее образование, стал известным адвокатом в Австралии и часто рассказывает о нелегкой судьбе его мамы, сыгравшей решающую роль в получении им адвокатского образования.

Рисовая брошь, имеющая историческую и искусствоведческую ценность, обрела в семье Морозовых еще и семейную, родовую ценность. Уже не один раз этот талисман спасал род Морозовых от пожара, от разорения, а в 2011 году — от разрушительного наводнения в Брисбене.

У Верочки Морозовой, родившейся на Дальнем Востоке, прожившей сложную жизнь русской беженки — эмигрантки трех стран, подрастает в Австралии правнучка, которая в скором будущем получит в дар таинственную рисовую брошь в память о своей бабушке Вере Семеновне Морозовой, и все у всех будет хорошо.

Гардемарин с чужой судьбой

Записано по воспоминаниям членов семьи художника: сына Кирилла Арсениевича и невестки Людмилы Васильевны Савицких-Мартин. В тексте также использованы записи из дневника унтер-офицера Арсения Иосифовича Савицкого. Имена по разрешению родственников не изменены.

Более 30 русских церквей построено в Австралии, четыре монастыря, и каждый оказавшийся на этом континенте русский человек, даже совершенно далекий от веры, по зову сердца начинает искать храм, чтобы обрести духовную поддержку. Приехав в Австралию, я, как и многие другие, пришла в храм и сразу обратила внимание на иконы, с которых вдумчиво и проникновенно смотрели со-

вершенно живые глаза святых. Они заглядывали в душу так глубоко, что невольно возникал вопрос: откуда это? Кто мог так выписать глаза святых, пред которыми ты готов раскрыть всего себя? Во всех четырех русских церквях Брисбена и в православных храмах других городов Австралии я видела образа, выполненные в одной и той же манере. Значит, был в Австралии художник, который писал православные иконы? Может быть, он из Брисбена? Стала расспрашивать прихожан, что они знают о местных художниках. Появлялись ниточки воспоминаний, но тут же обрывались и сменялись сомнениями. Разгадка брисбенского иконописца была где-то рядом...

Постепенно клубочек вопросов стал распутываться, и вдруг неожиданно оказалось, что ответы могла дать семья, которая еще год назад послала в журнал «Австралийская лампада» стихотворение о Ксении Петербургской, написанное в Австралии в 1957 году, ныне упокоенной Феодорой Ивановной Рябковой. Чем больше я думала о загадочном иконописце, тем настойчивее стали складываться обстоятельства так, чтобы встреча, которая должна была раскрыть имя талантливого художника, все же состоялась. Неожиданно друзья сообщили, что были в доме Людмилы Мартин — дочери автора трогательного стихотворения, видели разные картины, и возможно, знакомство с этой семьей будет мне интересно.

Войдя в дом семьи Савицких-Мартин, я сразу поняла, что попала в дом необыкновенного художника, что разгадка неизвестного, загадочного иконописца здесь. Дом был похож на картинную галерею подлинных работ, выполненных маслом. Портреты выдающихся людей и членов семьи висели по всем стенам дома. Здесь же стояли макеты кораблей русской флотилии и много еще других предметов, которые музейному работнику сразу бросились в глаза. В кабинете хозяина дома Кирилла Арсеньевича Савицкого-Мартин я попала в царство фотографий

и просто не могла выйти из мира живой истории, собранной в коллекции фотомастера. Кирилл Арсеньевич, видя мою заинтересованность, а не праздное любопытство, воодушевленно рассказывал мне историю каждой фотографии. Это были настоящие фото-произведения профессионального фотохудожника. Оказалось, что Арсений Савицкий был не только прекрасным иконописцем, но и талантливым фотографом. Любовь к фотоискусству от отца-художника передалась и сыну. Кирилл Арсеньевич, следуя по стопам отца, многие годы работал в брисбенских рекламных агентствах фотографом. Показанные мне работы — ценнейший фоторепортаж о жизни русской диаспоры Брисбена в 1940–1990-е годы. Фотографии могут рассказать, практически, о каждом активном члене русского сообщества.

Уже давно звали на чай, разъехалась часть гостей, а мы не могли прервать беседу. Разговор заходил то о русской послевоенной молодежи Брисбена, то о Русском клубе, то о русских успешных и менее успешных брисбенских предпринимателях 40–50-х годов XX столетия. Центром нашей беседы, конечно же, оставался отец хозяина дома — вице-унтер-офицер Русской флотилии Арсений Иосифович Савицкий.

Его сын Кирилл и невестка Людмила рассказали, как он строго относился к своему творчеству, как сутками не выходил из мастерской и выносил на свет только законченные, высокопрофессиональные работы. Художник часто говорил, что пишет картины, иконы — только в минуты вдохновения, но, похоже, вдохновение его не покидало никогда. То количество художественных работ и икон, которые хранятся в семье Савицких и в церквях по всей Австралии, говорят о неиссякаемом творческом духе русского художника.

Еще долго говорили мы с Кириллом Арсеньевичем и Людмилой Васильевной об истории России, о том, как судьбы людей зависят от исторических и политических событий.

Родился Арсений Иосифович Савицкий 25 октября 1903 года в России, в уездном городе Егорьевск, Рязанской губернии (ныне Московская область), в семье полковника 24-го Сибирского Стрелкового полка Иосифа Мартиновича Савицкого и Ольги Витальевны Савицкой. В семье Савицких, кроме Арсения, росли еще трое детей. Две девочки: старшая Татьяна и младшая Маргарита, а также старший брат — Георгий. С детства, глядя на пример отца, Арсений и Георгий мечтали стать военными. В 1913 году Арсений поступил учиться в Хабаровский графа Муравьева-Амурского Кадетский Корпус. Его мечта стать кадетом осуществилась. Поступив на учебу в кадетский корпус, Арсений по-мальчишески был счастлив и чувствовал себя дома «героем дня» Он в свои 10 лет пользовался особым вниманием со стороны сестер. Татьяна к тому времени была уже гимназисткой, а младшая Маргарита — еще маленькой девочкой, но обе почтительно относились к будущему офицеру. Брат Георгий еще раньше поступил учиться в то же учебное заведение. Арсений очень быстро освоился с новой жизнью в корпусе. Особенно ему полюбились уроки гимнастики и строевые занятия. Он понимал, что готовится стать военным офицером и очень серьезно относился к учебе. Летние каникулы они проводили с братом в лагере полка среди стрелков папиной 5-ой роты. Обедали в солдатских палатках. Любили солдатские щи, гречневую кашу и черный хлеб. Лагерь был расположен в живописной местности, недалеко от реки Усури. Много времени проводили также на реке Амур: плавали, катались на лодках. Лодки брали «напрокат» в яхт-клубе. Иногда приезжали на базу Амурской речной флотилии, которая находилась в нескольких верстах от Хабаровска, вниз по Амуру. Матросы показывали мальчишкам орудия, машинные двигатели. Так осуществлялось обучение и воспитание военных офицеров.

Кроме военного обучения, в кадетском корпусе будущих офицеров обучали хорошим манерам, галантности и умению достойно уделять внимание дамам и юным девушкам. Ежегодно 11-го октября, в день храмового праздника святого Апостола Филиппа, после торжественной литургии устраивался кадетский бал. Утром проходил парад кадетов в соборном зале, затем начинался праздничный обед. Вечером открывался бал — самый красивый и торжественный. К балу готовились все жители города за несколько недель. В день празднования в классы кадетского корпуса привозились корзины с живыми цветами, пахнущие лесом красавицы елки. В фойе корпуса устраивали фонтан и торговые киоски с сувенирами и разными сладостями. Самый долгожданный момент для кадетов был приезд нарядно одетых гостей, среди которых были очаровательные юные гимназистки. Они были так юны и хороши собой, что трудно было отвести взгляд от этих милых созданий, которые поправляли друг другу пышные банты на головах, укладывали складки в платьях, застенчиво заглядывая через плечо друг друга с вопросом в глазах, есть ли тут достойные кавалеры? У юных кавалеров начинали кружиться головы от этих взглядов. Взрослые офицеры и кадеты были одеты в парадные мундиры, подтянуты и подчеркнута галантны. Играл полковой духовой оркестр, иногда был приглашен оркестр Амурской речной флотилии. Ах! А потом были танцы! Кадеты кружили в вальсе очаровательных гимназисток, и, казалось, весь мир замирал от стука сердец, когда пальцы рук чуть касались гибкой талии улыбающейся девушки. Еще секунда и, казалось, что пара взлетит и упорхнет в открытое окно сияющего огнями зала, или так и останется кружиться над сверкающей люстрой с золочеными канделябрами. Как только затихала музыка, кадеты устремлялись за крошечным столиком, чтобы преподнести этот сладкий напиток своей избраннице, подавали чай, угощали сладостями. В тайне

каждый мечтал встретиться еще раз, но назначить свидание — это было выше дозволенного. Эти минуты еще долго оставались в памяти, переполняя сердца возвышенными чувствами и радостью. Кругом царили юношеский смех, шутки, веселье. Казалось, что впереди ждет только счастливая жизнь. Все оказалось далеко не так, как мечталось в те счастливые минуты начинавшейся юности.

Нагрянувшая гражданская война в России и революция внесли непоправимые перемены в судьбы кадетов и всего русского народа. Многие офицеры, служившие верой, правдой и честью царю и отечеству, в первые же годы революции были замучены, расстреляны, изгнаны. Арсений Савицкий окончил кадетский корпус в июне 1921 года, когда по стране катились кровавые волны братоубийственной войны. Окончив кадетский корпус в звании вице унтер-офицера, он сразу же добровольцем поступил в Сибирскую Флотилию под командованием контр-адмирала Георгия Карловича Старка. Сибирская флотилия, которую возглавил Г. К. Старк — это было последнее действующее объединение кораблей Русского флота под Андреевским флагом. По приказу Командующего Флотилией все окончившие кадетские корпуса были произведены в гардемарины. Гардемарином стал и Арсений Савицкий.

Так в кровавые годы интервенции началась морская карьера молодого гардемарина Арсения Иосифовича Савицкого — будущего русского иконописца в изгнании.

Военным морякам под командованием Старка удалось восстановить и привести в порядок значительное число кораблей Сибирской флотилии, а также подготовить к эвакуации остатки белых сил и гражданских беженцев. В конце октября 1922 года из Владивостока ушли последние суда Сибирской флотилии, имея на борту 10.000 беженцев. Всего из России ушли 30 кораблей: канонерские лодки, вспомогательные транспорты, пароходы, военные буксиры, посыльные суда, катера.

Из дневника Арсения Иосифовича Савицкого:

«14 человек гардемарин, произведенных первыми, были посланы на уходящую в плавание на Камчатку канонерскую лодку „Магнит“, где мы проходили практическую тренировку и несли обязанности будущих офицеров. По три часа, ежедневно, производились классные занятия по морским наукам. Вернуться во Владивосток из плавания мне уже не пришлось, так как эвакуация Приморья Белыми частями и Сибирской Флотилии 25 октября 1922 года застала меня на Камчатке, и наш „Магнит“ оттуда пошел в Японию, и затем в корейский порт Гензан на соединение с Флотилией»

Флотилия Г. К. Старка пришла в корейский порт Гензан, который в то время находился под японской оккупацией. Большевики требовали задержать и вернуть Сибирскую Флотилию. Японцы не скрывали, что им не нравится пребывание в японских водах русской флотилии как организованной и вооруженной морской части, располагавшей кораблями. Между тем, японцы отнюдь не горели желанием принимать русских беженцев. Только после долгих переговоров на берег удалось списать часть войск, гражданских беженцев и кадет. Другая часть кораблями ушла в Шанхай. По прибытии в Шанхай запасы флотилии были истощены. Не хватало угля, питьевой воды, продовольствия. Пять кораблей требовали срочного ремонта. В этот период командование флотилии рассматривало вопрос о переходе кораблей в Инкоу — город, находившийся под контролем войск маршала Чжан Цзолина. Однако, этот вариант адмирал Старк не принял, поскольку не желал, чтобы офицерские чины флотилии перешли на положение военнопленных. Тяжелое состояние усугублялось большевистской пропагандой против белых офицеров, что приводило к частым случаям нарушения дисциплины. Под влиянием большевистской пропаганды с флотилии уходили целые команды. Чтобы как-то поправить положение, на-

ладить питание, снабжение водой, нужны были деньги, а в кассе флотилии оставалось лишь 15 долларов. Продукты питания уже брали в долг, а воду пили прямо из реки. Это был риск эпидемии тифа во флотилии. Тиф уже зверствовал среди людей, попавших в подобные ситуации. Люди умирали ежечасно.

Чтобы выйти из губельного положения и спасти людей, находившихся в составе флотилии, адмирал Старк был вынужден продать часть вооружения и боезапасов кораблей китайскому флоту. Руководство китайского флота, видя губельное состояние русской флотилии, не упустило шанс воспользоваться бедствием русских и заплатило им только небольшую часть денег от обговоренной суммы. Командование русской флотилии настаивало произвести выплаты всей суммы согласно договору. В ответ получили угрозу, что полностью отрежут флотилию от продовольственного снабжения. Русская флотилия, чтобы сохранить жизнь людей, вынуждена была понести большие убытки.

11 января 1923 года корабли Сибирской флотилии покинули Шанхай, направляясь на Филиппины. Перед уходом в полную неизвестность адмирал Старк списал с кораблей на землю кадетские корпуса и часть команды (всего около 800 человек). Все гардемарины, в том числе и братья Савицкие оказались политическими беженцами, которых ожидали тяжелые испытания и жизнь на чужбине. Арсений и его брат Георгий Савицкие, оставшись в числе списанных гардемарин на китайском берегу, должны были начинать новую жизнь. Иногда удавалось найти случайный заработок на погрузке в порту или другую разовую тяжелую работу. Вместе братьям было легче переживать тоску по родным людям, но через некоторое время Арсений остался в Китае совершенно один. Старший брат Георгий в Шанхае встретил русскую девушку и, поженившись, вскоре вместе с ней эмигрировал в Америку.

Юному 19-летнему Арсению, оказавшемуся в чужой стране — в Китае, без языка и родных, пришлось думать, как жить дальше, и где он может применить свои знания, чтобы зарабатывать на проживание. Военная профессия офицера, которую получил Арсений и о которой мечтал с детства, в чужой стране была не нужна. Другой профессии у него не было. Были только руки, голова и желание достойно выжить. Свою родину, которую он не переставал любить и по которой тосковал, Арсений больше никогда не увидел.

Выполняя тяжелую физическую работу на разгрузке судов, ему подвернулся случай, благодаря которому удалось получить работу, устроившись помощником по изготовлению рекламы. Вскоре сотрудники рекламной фирмы обратили внимание на то, что Арсений может не только аккуратно писать шрифтом, но и неплохо рисует. Арсений стал тоже замечать в себе тягу к рисованию. Ему было значительно интереснее работать над рисунком, чем чертить и вырезать буквы по шаблонам. Он стал прикладывать все свои усилия для того чтобы постичь науку рисования. Постепенно он усовершенствовал свое мастерство и стал художником сначала рекламного жанра, затем карикатуристом, позднее портретистом и, наконец, иконописцем. Из военного вице унтер-офицера вышел настоящий художник, который творил, писал и учился жить неприкажной судьбой русского беженца.

В Шанхае Арсений встретил свою судьбу — девушку из Благовещенска, Лену Старченко. Вскоре они поженились. В 1929 году у них родился первенец — Кирилл, который и поведал мне историю его отца — талантливого художника с душой юного гардемарина. Через 4 года у молодой четы Савицких родился младший сын — Никита. С появлением сыновей добавилось хлопот. Арсений все больше брал работы, и его художественное мастерство росло с каждым днем. В 1932 году ему предложили

работу художника в Гонконге, где некоторое время он жил в семье испанцев. Через год к нему переехала жена с двумя маленькими детьми.

В Гонконге Арсений работал художником рекламного бизнеса в большой английской фирме под названием English Advertising Agency. Наконец-то началась жизнь без скитаний, с постоянной работой, полная творчества и семейного счастья. Появилось время для общественной работы, и супруги Савицкие стали много сил и времени отдавать церковной работе, за которую получили грамоту от Архиепископа Виктора Китайской и Пекинской миссии. Елена Александровна с 1934 по 1940 год была казначеем «Дамского Кружка Ревнителей Церковного Благолепия и Просвещения в Гонконге» 7 ноября 1940 года Центральным Владимирским Комитетом Пекинской Епархии ей была вручена серебряная медаль за бескорыстные труды на пользу Свято-Петропавловского Молитвенного Дома. Впервые за многие годы глава семьи Арсений вздохнул полной грудью счастья, хотя боль и тоска по родине не оставляли его ни на час. Он старался всегда быть в курсе того, что происходило в России. Слышал, что в России шли репрессии, уничтожались люди, у которых родственники оказались за границей, и из-за боязни за них Арсений не мог подать весточку о себе. Он не знал о судьбе своих близких, и это постоянно тяготило его. Тем не менее, Арсений продолжал надеяться, что его родители, любимые сестренки Таня и Рита живы. На родине никто не знал, жив ли Арсений, и каждый год считали по календарю, сколько бы лет исполнилось потерявшемуся девятнадцатилетнему Арсению. Только любовь и надежда родных заставляла верить в то, что Арсений, возможно, остался жив.

Счастье молодых супругов Савицких оборвалось неожиданно. Соразмеренная жизнь, творчество, возможность быть вместе с любимой женой и детьми — все было прервано началом Второй мировой войны. Японцы, пришедшие в Китай,

всех русских, находившихся на территории Гонконга, заключали в лагерь. Русские разъезжались спешно. На глазах гибли целые семьи. Мужчины, кто как мог, старались отправить своих жен и детей в другие страны. Женщинам с детьми кому-то удавалось бежать, другие, как и их мужья, попадали в лагерь. Елене Савицкой с детьми удалось чудом выехать в Австралию. Жизнь Арсения Савицкого вновь остановилась. Его мечта о счастье заключилась за решетку, и день проходил под непрерывный стук палок, цоканья ботинок надзирателей и тюремных криков. Только любовь спасает в такие минуты людей. Любовь к жене, детям давала стимул к жизни. Любовь к рисованию укрепляла силы. Несмотря на лишения, тяга к творчеству не угасала. В каждой клочке оберточной бумаги Арсений видел будущую картину. Кто-то дал ему карандаш, и потоки мыслей стали выливаться на просаленных кусках коричневой бумаги. Он вдохновенно рисовал любимые образы по памяти. Иногда вырисовывались настоящие портреты — жены, детей. Они всегда мысленно были рядом. Снова тоска, тяжесть на сердце от того, что он не знал о судьбе жены и детей.

Все чаще Арсений стал рисовать дружеские шаржи на тюремных служащих и заключенных. Надзиратели стали наблюдать за русским заключенным. Сначала их раздражало постоянное рисование этого непонятого русского, но со временем приглядевшись, они увидели в нем талант. Арсений прилагал все свое усердие в рисовании, и японцы не замедлили использовать это усердие русского заключенного для своих рекламных дел. Возможность рисовать спасала Арсения от тяжелого лагерного положения, которого многие не выдерживали, умирая от изнурительных работ, болезней, недоедания, каторжного унижения. Арсений рисовал и рисовал. В лагерный период он сделал тысячи карандашных набросков карикатурного содержания. Несмотря на то, что ему была дана возможность рисовать, лагерная жизнь тянулась унижительно, беспросветно и монотонно.

А как же складывалась судьба его супруги и двух сыновей, бежавших из Китая в Австралию?

Беженцы, которые бежали из Европы, Китая в Австралию, прибывали на кораблях в порт Брисбен. Это был первый порт на австралийском континенте. Те беженцы, которые имели какие-то финансовые средства для передвижения по стране, разъезжались дальше по крупным городам Австралии в поисках работы. Не имевшие средств, как правило, оседали в первом австралийском порту.

Елена Савицкая с детьми, добравшись до Австралии, осталась проживать в Брисбене. В сороковых годах 20-го столетия в Австралии жизнь была не простой. Продукты, одежда, обувь в Брисбене выдавались по карточкам. Детей надо было одевать, кормить и давать образование. Елене с двумя детьми приходилось браться за любую работу, в том числе за стирку белья и уборку. Позднее шила форму для солдат австралийской армии. Пять лет жизни, которые муж находился в японском лагере, Елена не сомкнула глаз, думая о его судьбе. Только в 1945 году, с приходом советских войск в Китай, Арсению удалось освободиться из лагеря и уехать в Австралию. В Брисбене ждала его жена с сыновьями.

Арсений устроился работать в рекламной фирме и все чаще стал обращаться к иконографии. Библейские образы, написание икон святых мучеников захватывали душу художника, и он часами мог не выходить из мастерской, выписывая святые лики. Одновременно он писал портреты сыновей, детей и других членов семьи. Со временем в Брисбене Савицкие обрели много друзей, с которыми активно участвовали в жизни русского общества. Часто собирались вместе, чтобы отметить церковные и семейные праздники, поиграть в настольные игры. Брисбенцы, узнав о таланте художника, заказывали у Арсения портреты для членов своих семей. Им был написан портрет высоко почитаемого священника — протопресвитера, настоятеля

и устроителя Свято-Николаевского собора в Брисбене Валентина Антоньева (1878–1962), служившего когда-то псаломщиком у Великого князя Николая Николаевича в имении Обеляновка, а затем служившего благочинным первой Сибирской стрелковой дивизии. Также Арсений Савицкий выполнил портрет хорошо известного и уважаемого русского доктора в Брисбене Сергея Васильевича Удовикова, и многих других уважаемых брисбенцев. Русские Сиднея, Канберры, Мельбурна, Брисбена заказывали иконы для русских православных храмов. В 1973 году при постройке Благовещенской церкви в Брисбене Арсений Иосифович расписал весь иконостас, распятие, надгробие плащаницы. Елена Александровна к тому времени стала искусной швеей и мастерицей вышивки. Она с большой любовью и старанием вышила Божию плащаницу. К шитью и вышиванию она относилась, как к искусству. Как вспоминает их сын Кирилл: «Нам с братом казалось, что родители наши ничем особым не занимались и ничем не отличались от других людей. Это сейчас я понимаю, как много они работали и, как много папа успел сделать для общества Австралии и церкви»

Арсения Савицкого уважали не только русские, но и представители других этнических групп и австралийцы. Он стал известен в австралийском обществе, как искусный фотохудожник. Его приглашали для снятия панорамы города Брисбена, при открытии брисбенских мостов и на другие исторические события штата. В его архивах сохранились бесценные фотоматериалы по истории строительства столицы штата Квинсленд.

Навсегда оставшись в душе морским офицером, с безукоризненной дисциплиной и военной выправкой, Арсений Иосифович Савицкий стал настоящим художником, называя себя гардемаринком с чужой судьбой. Потеря родины, смена фамилии во имя спасения оставшихся на родине мамы, сестер, унижительная лагерная жизнь, страх

потерять жену и детей — не сломили его. Он всю жизнь продолжал любить Россию и бесконечно был благодарен Австралии. Он часто говорил, что в Москве, в Третьяковской галерее хранятся картины его дяди — художника и мечтал восстановить утраченные связи с родиной.

Русские беженцы, расставшиеся со своими родными в силу непредсказуемых обстоятельств, связанных с революцией и войной, находясь многие годы оторванными от своих корней, не теряли надежду связаться с родственниками. В 1970 году с трудом и не без опасности Арсению по письмам удалось разыскать своих сестер Татьяну и Маргариту, которые проживали во Владивостоке. Переписка по политическим причинам напрямую была невозможной и осуществлялась через случайных людей и через другие страны. Письмо шло иногда по 8–9 месяцев. В одном из писем был получен дорогой сердцу подарок — долгожданная фотография уже немолодых сестер. Арсений Иосифович и Елена Александровна Савицкие бережно хранили в семье память о прошлых днях, вспоминая детство и кадетские балы в России, юность в Китае, лагерь в Гонконге, зрелые годы в Австралии. В доме сына Мартин (Савицкого) Кирилла Арсеньевича до сих пор хранятся модели миноносцев «Твердый» и «Бравый», грамоты, награды и старинные фотографии. Сыновья, а затем внуки воспитывались и учились на примере Арсения Иосифовича служить жизнью и правдой избранному делу. Увлекательные рассказы о России и русском флоте оставили большое впечатление у внуков — Михаила и Николая. Михаил, как и дед, стал военным.

В 1987 году Арсений Иосифович проводил в последний путь свою любимую супругу Елену Александровну, с которой прожил 60 лет. Эта утрата была слишком тяжелой для него, и он стал заметно угасать. Через 2 года снова потрясение. После тяжелой болезни ушел из жизни младший сын Никита. Эта потеря еще больше усугубила

страдания и охватила еще более глубокой тоской сердце Арсения Иосифовича. Он старался браться за работу, но уже не было тех сил, которые позволяли бы ему завершить задуманное. Так остался незаконченным портрет внука Михаила. Арсений писал внука в военной форме и задумал выполнить эту работу в память о своих кадетских годах.

Через год после похорон сына Арсения Иосифовича Савицкого не стало. Арсений Иосифович Савицкий (Мартин) ушел из этого мира в Брисбене 18 мая 1990 г. в возрасте 87 лет с благодарностью богу и Австралии, с сердцем юного гардемарина, с душой русского иконописца.

Глядя на портреты, выполненные Арсением Савицким, видишь его вдумчивый подход к работе, трепетное отношение к чувствам каждого персонажа. В его портретных композициях ярко сочетаются эмоциональные образы и эпически спокойные мотивы. Как и многие художники, Арсений долго искал себя в творческом пути. Он оставил нам множество карикатур, выполненных карандашом, которые отражают мысли художника и время, в котором он жил. Его картины ярко передают мысли и наблюдения своего времени. Под кистью Арсения Савицкого рождались необыкновенные работы разнообразных жанров. В иконографии он использовал колоритные цвета, изящные линии. Необыкновенно чувственно выписывал глаза Матери Божьей, Спасителя, святых.

Не смотря на то, что иконы, написанные брисбенским художником Арсением Иосифовичем Савицким, хранятся более чем в тридцати русских церквях Австралии, его имя до сегодняшнего дня было неизвестно.

Сменилась эпоха, ушел художник, но оставил нам великолепные художественные портреты, пейзажи, иконы. Сколько надежды, сил и любви нес в себе брисбенский иконописец, писавший эти образы. Прикладываясь к пла-

щанице, к иконе Матери Божьей, к ликам святых, русские люди, находящиеся за тысячи километров от родины, получали и получают поддержку духа и чувствуют радость от ощущения вечности. Образы, написанные русским гардемарином с чужой судьбой, смотрят на нас пронизывающим взглядом, даря нам новые силы и любовь к этому несовершенному, но все-таки прекрасному миру.

Россиюшка

*Рассказ русской женщины, прожившей жизнь
в невольной грузинской эмиграции, по любви...*

— Как зовут вас, деточки? — спросила маленькая старушка, открывая нам калитку незнакомого дома.

— Меня Роман, девушку Лика, — ответил мой спутник.

— Кто вас прислал ко мне? — заглядывая в глаза по-детски доверчиво, спросила нас сухонькая женщина с чисто славянским лицом и с сильным грузинским акцентом.

— На вокзале дали ваш адрес, сказали, что вы сдаете места русским, — ответил Роман.

— А вы русские? — обрадованно заулыбалась старушка.

— Русские, бабушка, — ответила я, понимая, что для нее мой ответ очень важен.

— Проходите, проходите, деточки. Счастье-то какое! Вы русские, вы — русские! — повторяла засуетившаяся хозяйка маленького, незамысловатого дома.

Мы прошли во двор. Сразу почувствовались тень от ветвей раскидистого дерева и уют от плотно обвившего забор виноградника.

Бабушка Анас была переполнена гостеприимством, вниманием и радостью. У меня появилось чувство тепла и покоя. Домишка был маленький, уютный, с запахом яблок и ароматом какой-то благоухающей травы. Хозяйка выделила мне комнату в доме. Вернее, я заняла единственный хозяйский уголок. Ярославский попутчик Роман, случайно встретившийся на Сухумском вокзале, помог мне устроиться в доме и сразу же уехал догонять свою туристическую группу, от которой отстал. Я осталась ждать свою подругу из Тбилиси у гостеприимной старушки. Деньги брать за жилье женщина категорически отказалась.

— Так для чего же вы принимаете людей к себе, если отказываетесь от платы? — недоуменно спрашивала я.

— Я русским духом хочу дышать, слушать речь родную и радоваться весточке с родины, — отвечала загадочная нестяжательная квартиросдатчица.

— Вы русская? — спросила я, немного освоившись.

— Да, я чистокровная русская, — отвечала гордо довольная моим вопросом старушка.

Слово «русская» она произнесла с каким-то достоинством, вдохнув в себя красоту и силу этого слова. Мне показалось, что только с этого момента она начала дышать полной грудью, как будто долго была без воздуха. Глаза ее посветлели, и из-под траурной грузинской одежды вдовы четко проявились черты обычной русской женщины.

— У вас сильный акцент и одеты вы, как грузинка, — с любопытством заглядывая в ее глаза, продолжала анализировать я вслух, видя как женщина ждет следующего вопроса.

Тут моя хозяйка совсем распрямилась и как-то сразу помолодела. Черный грузинский платок упал на ее плечи, открыв белую седую голову. Седовласая женщина с мудрыми, вдумчивыми глазами поведала мне такую историю.

— Давно это, деточка, было. Жила я со своими братьями, сестрами и родителями далеко на Урале. Уже и не помню как городишко назывался. Мне пятнадцать лет было. Несмышленная, мамочкой обласканная, младшая из сестер. В 1920 году грузин навалило в нашу местность много. Кто торговал, кто прятался, кто еще чем промышлял. Сестру мою Дарью заметил один грузинский хлопец и стал сватать у отца. Отец наотрез отказался.

— Не отдам чужеземцу, увезет и не увидишь, — сетовал он.

Сестре моей было восемнадцать лет. Белолицая красавица с косой по пояс. Крепко в душу она запала тому грузину. Он у окон наших вечерами и ночами простаивал.

Отец уже начал подумывать: «Не уступить ли грузину дочь, да тот и выкуп давал хороший» Но дело до этого не дошло. В один из вечеров бегали мы с младшим братом вокруг дома. Братишка прятался, а я, чтобы ему не скучно было, бегала за ним. Вдруг чувствую, кто-то накинул на меня то ли мешок, то ли покрывало на голову. Я и пикнуть не успела. Очнулась уже на телеге от фырканья лошади. Гляжу — вокруг никого, только звезды с неба на меня поглядывают и, как бы смущаясь, что не могут помочь, — отворачиваются. Лошадь тронулась. Я — в повозке, в сене лежу, не шевелюсь. Крикнуть тоже боюсь, затаилась и думаю: «Убегу» Я поняла, что меня украли. Такие истории я слышала, что грузины крадут русских девушек и с собой увозят, только чаще по согласию. Если договориться с девушкой и с ее родственниками не удалось, то крали и увозили силой. Меня еще никто не сватал. Мала я была для замужества. В стране голод наступал, но мои родители пока в достатке жили, при хлебе и при батраках. О замужестве дочерей всерьез не задумывались.

Увезли меня в ту ночь далеко от моего селения, а на утро разобрались, что не ту украли. Вместо сестры меня сцапали. Мы с ней были очень похожи и волосами, и глазами, и голосами. Только рост другой и характер разный. Вот меня и приняли за сестру. Крал не сам жених, а его дружки наемные. Так и попала я в Абхазию. Муж-грузин всю жизнь меня ненавидел за то, что я ему в сети попала, а не сестра моя. Так издевался надо мной. Среди ночи в ночной рубашке выгонял, если я ему днем не угожу или не ту еду приготовлю, или по-русски заговорю. За детей бил, когда плакали.

Женщина замолчала, переводя дух от волнения и воспоминаний. Задумалась. Слезы выступили на глаза молчаливым страданием.

— Бабушка Анас, а дети у вас есть? — осторожно спросила я.

— Были дети. Десятеро. Пятеро во время голодомора померли; одна — от коклюша, другие — от дифтерии и кори, — печально ответила старушка.

— А пятеро живы? Где они? — спросила я, старалась направить разговор в более приятное русло воспоминаний.

— Все уехали на Урал, на заработки. В Набережные Челны, — с грустью ответила женщина.

— Они бывают здесь? — не унималась я.

— Дочки в младенчестве померли.

— А сыновья?

— Сыновья бывали. Потом переженились. Мужики они ведь как?.. Где женщина слаще, там и дом, — с укором ответила старушка.

— А внуки есть? Они приезжают?

— Пять лет никого не вижу.

— А муж ваш жив, который украл вас?

— Да у меня другого и не было. Наши законы не позволяют.

— Какие законы?

— Законы гор. Муж бросил меня, когда мне двадцать восемь стукнуло. К тому времени я уже десятерых детей ему родила.

— А родители его где?

— Они в Грузии померли. Он тоже туда ушел, а, может, на Урале сгинул.

— Может, не бросил, а на войне погиб? — старалась успокоить я совсем закручивившуюся женщину.

— Сестру он мою всю жизнь любил и попрекал меня, что я не такая сноровистая, как она. Последний раз поехал на Урал, обещал ее привезти сюда и женой сделать.

— Вы ездили на родину?

— Нет, никогда, доченька. Не бывала я там больше. Как увезли меня краденную в лошадиной повозке, так и не видела я больше Россиюшку родимую. Всю жизнь она мне

снилась. Мечтала хоть глазком увидеть сторонущку свою. В пояс поклониться земле Российской. Припасть к могилке родителей и дедов моих. Нет, не пришлось.

— Почему вы не поехали, если муж бывал там? — недоумевала я.

— Он моим родителям и сестре не признался, что выкрал меня. Папа с мамой так и умерли, не узнав, что дочь их жива, что живет на чужбине, что внуки у них есть в Абхазии.

Женщина замолчала. Затем гордо смахнула слезы с высохших щек, отвела глаза в глубь сада и долго сидела задумавшись.

— Бабушка Анас, что я могу сделать для вас? — спросила я, чувствуя, что вот вот заплачу от нахлынувших чувств.

— Поживи у меня, дочка. Поговори по-русски со мной. Называй меня по имени моему.

— А имя у вас тоже другое?

— Не Анас я, доченька. Анастасия я.

— Анастасия?

— Анастасия Петровна Вяземская, — ответила с достоинством женщина.

— Вы из рода Вяземских? — пыталась уточнить я.

— Эту историю ворошить не будем. Я дочь земли своих предков. Я — русская.

Несколько дней я ходила потрясенная этой историей пожилой русской женщины, одевавшейся и разговаривающей по-грузински. Уезжая, я прощалась с ее домом, ставшим мне каким-то особенно родным. Я прощалась с садом, заботливо ухоженным белыми, почти мраморными руками этой женщины. Я стояла долго обнявшись с тутовым деревом, росшим во дворе, под кроной которого мы вечерами с Анастасией Петровной пили чай. А главное, я не могла расстаться с этой маленькой старушкой, ставшей мне более чем родной, оставшейся верной земле своих предков.

— Поклонись низко, доченька, земле моей русской. Расскажи, что я не забыла ее, что помню запах колосьев в поле и радугу над Камой, дым над банями, туман над домами... — женщина сдержанно заплакала.

Плакала она не по-женски. Тихо и скупно. Плечи безмолвно дрожали. Строгая, горная женщина с материнскими и дочерними чувствами плакала по своей Родине.

Немного успокоившись, бабушка Анастасия продолжала:

— Я целую каждый уголок моей родной земли. Наверное, это уже моя последняя встреча с Россией.

— Почему последняя? — спросила я, не поняв.

— Ты — моя Россия: ласковая и добрая, загадочная и непокоренная, — продолжала бабушка Анастасия, обнимая меня жилистыми руками, растворяясь в моих глазах тоской маленькой пятнадцатилетней девочки.

— Я скоро уйду. Расскажи всем, как я люблю мою Родину. Пусть любит каждый так землю нашу Российскую. Где бы мы не были, мы все в ответе за нее.

Бублики с маком

*Эссе родилось из случая, о котором рассказала мне
с изумлением в глазах знакомая женщина,
мало где ранее бывавшая.*

Наталья летела из Украины после первого долгого отпуска в Австралию. Три года назад она вышла замуж за австралийца, и это была ее первая поездка на Родину. До этого Наталья нигде не бывала, а в 2007 году вдруг неожиданно для себя угодила замуж, да еще за границу. Самолет парил в воздухе, пролетая над облаками. В салоне было тихо — пассажиры дремали. Иногда пассажиры просыпались на ужин. Через несколько часов бортпроводницы снова предлагали соки, обед, вино. Отчет пространства и времени уже перепутался так, что трудно было понять по часам какого континента ориентироваться.

Наталья весь полет была вынуждена упорно есть мамины «заботливые» бублики, отказываясь от угощения в самолете, понимая, что продукты питания в Австралию ввозить строго запрещено. Дорожные бублики, с любовью испеченные мамой, выкинуть — просто грех. Мама, никогда не летевшая на самолете, услышав о двадцати пяти часовом перелете, причитала так, будто доча ее уже голодная умирает в аэропорту. Причем, аэропорт она настойчиво называла вокзалом и сорока семилетнюю дочку пугала страшными дяденьками, которые «могут к ней приставать на вокзале» Маме было семьдесят восемь лет. Была она непосредственна, как ребенок, и заботлива, как самая любящая мать на свете. Доча у нее была единственная, и жила теперь «в тридцатом государстве...»

И вот посадка в Брисбене. Наталья прошла паспортный контроль, вздохнув и успокоившись, пошла за веща-

ми. Багаж ехал по эскалатору, и Наталья еще издали заметила две свои скромные сумки. У сумок крутились две поисковые овчарки.

«Что они там крутятся?» — спросила себя Наташа, оставаясь совершенно спокойной. Сняла сумки с эскалатора. К ней подошел таможенный офицер, попросил остановиться и стал вызывать кого-то по рации. Подошли еще два офицера. Очень вежливо предложили пройти в закрытое помещение. Старший офицер попросил у Наташи разрешения открыть ее багаж и стал медленно расстегивать молнии сумок. Другой офицер внимательно следил за Наташиной реакцией. Наташа была совершенно спокойна и в душе радовалась, что все ненужные волнения наконец-то закончились.

Из сумок были вытащены все вещи. Литографическую иконку пытались вскрыть, но не удалось. Еще раз проверили поисковым аппаратом все вещи.

— Nothing, — сказал один офицер другому. Это означало: «Ничего» «Конечно, „насинг“» — повторила про себя Наталья, — и какой там может быть «синг»?

Наталья пошла на выход с сумками. Собаки снова рванули в ее сторону.

— Нет! Это уже не шутки! — стала возмущаться Наташа на ломанном английском языке.

Офицеры набежали снова. Опять вскрытие сумок. Опять: «Nothing» Составили протокол на подозрительность личности.

Наталья совсем расстроилась.

— Этого мне только не хватало в Австралии. Здесь только один раз попади в подобный список и пожизненно останешься под сомнением. Компьютерная система здесь развита так, что связаны все школы, банки, гостиницы, аэропорт...

Задерживать в аэропорту Наташу больше не стали, но это ее не успокоило. Приехав домой, расстроенная Наташа рассказала мужу о случившемся. Он молча выслушал; кому-то позвонил.

Приехали друзья мужа в недоумении, чтобы успокоить семью.

«Для чего он их назвал?» — думала Наташа. Она за три года замужества так и не могла понять психологию заботливых австралийцев. В присутствии всех друзей муж еще раз открыл сумки, как бы доказывая безукоризненную положительность своей заморской жены. В одном из скотканых пакетов лежал высыпавшийся мак, издавая аромат украинских бубликов.

— O, My Got! — вскрикнул изумленный муж.

— What is it? — стали спрашивать не понимавшие ничего сердобольные друзья.

— Это мак от бубликов, — ответила Наташа долго вспоминая, как же слово «мак» будет по-английски.

— Овчарки обнаружили у тебя запрещенный продукт — мак, — пояснил расхохотавшийся счастливый муж. Он радовался так, как будто его только что в чем-то публично оправдали.

Наташа стала рассказывать присутствующим о сдобных украинских бубликах, обильно посыпанных маком, которые мама в последний момент у самого самолета просто в слезах сунула Наташе в сумку.

— Way! — воскликнули друзья и стали громко смеяться.

— Вот это контроль в Австралии! Вот это собачки, — гордо восхищались они, еще долго вспоминая случаи на австралийской таможне.

Наташа вспоминала умоляющие глаза мамы и сдобные украинские маковые бублики...

Взаимовыручка иммигрантов

Невыдуманная зарисовка из наблюдений 2006 года

Екатерина была на седьмом небе от счастья! Наконец-то за три года проживания за границей она встретила настоящую подругу! С Эллочкой ее познакомила Нина.

С Ниной Катя была знакома недавно, поскольку сыновья их начали дружить тоже не так давно. Матери решили, что отследить и уберечь своих подростков от дурных влияний в чужой стране вместе будет легче. Катя с семьей жила в популярном городке, у самого океана. Нина за двести километров, в селе. Но подростки от того, что не хватало русского общения, ездили друг к другу, несмотря на расстояние. Чаще встречались у Кати, на Голд Косте, чтобы отдохнуть на океане. В один из дней Нина с сыном приехали к Кате с шумной компанией, прихватив неожиданно с собой еще одну семью из трех человек. Главой незнакомой семьи была Эллочка, а также с ней ее молчаливый, сам себе на уме, муж и любимец публики — двадцати двухлетний сын.

Эллочка была — необыкновенное чудо! С ней можно было обсудить любой вопрос. Она обладала особенным умом воспитателя, педагога, матери, философа... Через несколько часов знакомства она назвала Катю своей «сестрой и навсегда!» Не имея родственников в этой далекой от дома стране, Екатерина приняла это как дар судьбы за все испытания, которые ей пришлось пережить. Эллочка была так искренна, что душа Екатерины открылась взаимным бутоном откровения. Катя плакала над рассказами и воспоминаниями о жизни своей новой подруги. Дивилась уму и находчивости Элочки при выходе из сложных ситуаций. Когда Катя рассказывала о своей жизни, Эллочка рыдала еще больше. Обе плакали и радовались счастью

знакомства. Нина особого участия в рассказах не принимала, но ее тоже окропляли брызги слез откровения двух встретившихся и плачущих женщин. Возможно, ностальгия по далекому дому, по родине, по друзьям привела их в такое состояние слез и откровения. А может быть, недостаточная возможность общения со своими соотечественниками.

Нина и Эллочка жили в одном отдаленном от центров поселке и уже стали постоянными жителями в этой новой стране. Катя слушала их с вдохновением, мечтая, наконец, тоже получить статус постоянного жителя. Жизненных проблем у Кати было много. Самые серьезные проблемы — счета. Счета копились, как шелуха от семечек. Съев семечки, сыт не будешь, а суеты прибавится.

Выслушав Катини откровения, заплакав за ее судьбу, Эллочка вдруг сняла с себя золотое кольцо и говорит:

— На. Это тебе. Не возьмешь — обижусь. Мы — сестры. — Кате стало даже не по себе.

— Нет, никогда. Я рассказываю о своих трудностях не потому, что прошу о помощи, а потому что вижу, что ты это понимаешь, переживаешь за меня. Я благодарна тебе за твое участие. Всем по началу сложно в новой стране. Просто я об этом ни с кем не могла говорить. Кому хочется слушать о проблемах. Я всегда стараюсь говорить только о хорошем, даже если уже совсем невмоготу.

— Не возьмешь кольцо — возьми деньгами! — не унилась Элла.

— Нет, нет. Я очень боюсь долгов, они разрушают нас. Как-нибудь на минимальном и пробьемся. Бог не оставит. И к тому же нас всегда учили, что если не хочешь потерять друга — не давай ему в долг и не бери сам.

Через три дня гости уехали, оставив Эллиного великовозрастного сына для проживания в Катиной семье. Катя помогла ему найти работу в самом популярном, престижном отеле у океана. Найти первую работу за границей не просто, да еще в хорошем месте.

Условий для жизни в Катином доме особенно не было, хотя аренда жилья была высокая. Теснота. Катиному сыну пришлось теперь спать на полу, чтобы разместиться с гостем в одной комнате. Расходы на питание повысились еще на одного взрослого требовательного человека. Но поразмыслив, Катя с мужем сказали себе:

— Мы же христиане. Мы должны помогать друг другу.

Эллочка звонила ежедневно, чтобы узнать как ее сынок. Радовалась, что сын ее очень хорошо зарабатывает, но не интересовалась беспокоится ли он о хлебе насущном. При этом, зная Катины финансовые трудности, Эллочка каждый раз предлагала Кате взять у нее деньги в долг.

— Не отталкивай руки дающего, — настойчиво повторяла Элла. — Нам как раз скоро придет крупная сумма из-за границы. Эти деньги могут помочь решить ваши проблемы с бизнесом.

— Она так заботится о нас, — говорила Катя мужу.

— Да, даже не благодарно пренебрегать рукой заботящегося, — поддерживал муж.

— Нам так нужна эта денежная поддержка! Особенно на этом, последнем этапе, когда власти рассматривают успешность нашего бизнеса.

— Конечно, — соглашался муж. — Мы тогда можем рассчитывать на положительное решение иммиграции и очень быстро получим статус постоянных жителей.

— Скорее бы все решилось с этим статусом. Как тяжело жить в неопределенности! — вздыхала Катя и тут же развивала мысль: — С нашей стороны — это называется гордость — отказываться от помощи такого замечательного человека. А гордость — это грех.

Оба пришли к заключению:

— Значит, мы не должны отказываться от помощи, которую так настойчиво предлагают друзья.

Через несколько дней деньги пришли на Катин счет. Катя проплатила все долги и порадовалась, просчитав, что

теперь они смогут выплыть из закружившейся воронки неудач. По условиям временной визы они должны были с семьей вести свой бизнес, который шел не плохо, но ежедневно был под риском из-за высокой аренды помещения.

— Святые люди, — с восторгом рассказывала Катя позвонившей Нине. — Они просто святые! Такая большая сумма на целый год! Какое бескорыстие! Они даже отказались от расписки, сказав, что если доверяют нам сына, то могут ли не доверять какие-то деньги. Святые люди!

Сын Элочки продолжал жить в семье Кати. Хорошо зарабатывая и не имея расходов на проживание, телефоны и пропитание, он мог в выходные позволить себе хороший отдых с дорогим обедом и ужином. На развлечения с собой своего «названного брата», который спал теперь на полу из-за «успешного гостя», он никогда не брал. Для совместного отдыха сын Кати не подходил, поскольку был безденежным студентом.

Через три месяца беззаботный квартирант-счастливчик сдружился на работе с каким-то состоятельным пареньком и переехал к нему для проживания. Забирая свои вещи из Катиной квартиры, он с воодушевлением рассказывал о его «новых, восхитительно-крутых» условиях жизни, повторяя:

— Главное — бесплатно! Главное — бесплатно!

На следующий же день после отъезда счастливчика, позвонила его мамочка-Элочка и попросила одолженные ею деньги положить на накопительный счет и через год их вернуть с накопившимися процентами. Катя с супругом поехали в банк. Открыли не расторгаемый счет на год, чтобы для Эллы копились проценты. Снимать эти деньги со счета в течении года было нельзя.

— Для чего деньги даны в долг, которыми нельзя пользоваться? — недоумевали Катя с супругом.

Но деньги уже взяты и условия диктует кредитор.

Через неделю Элла с мужем и еще с какими-то людьми приехали почти ночью, без звонка и попросили расписку

на деньги и копии российских и зарубежных паспортов. Катя написала расписку, сделала копии паспортов всей семьи, как настаивала Элла. Отдавая документы, Катя почувствовала какую-то необъяснимую тревогу, которая охватила ее. Она тревожилась не за расписку и копии паспортов, а за что-то такое, чего не могла себе объяснить.

Ровно через месяц Элла деньги затребовала назад.

— Срочно верни! Мне нужно повернуть одну сделку!

— Но как же так? Контракт с банком подписан на год. Расторгать контракт через месяц — это невыносимая роскошь. Здесь у них называется «Броккен контракт» Удовольствие очень дорогое, — пыталась объяснить Катя.

— Ты что не хочешь отдавать деньги? У нас есть все ваши расписки и данные паспортов! — закричала истерическим голосом Элла.

На следующий день Катя расторгла контракт с банком, заплатив за срочный перевод денег на счет Элочки.

Пятьсот долларов заплатила банку за досрочное расторжение контракта и за перевод денег на счет Эллы.

После такого «счастливого» знакомства с Эллочкой, Катина семья еще глубже попала в долговую зависимость теперь уже перед другими людьми.

Катя долго болела о потере «подруги» Нина и ее сын также больше не звонили и не приезжали. Теперь семьи Нины и Элочки ездили на океан по соседству, в гости к новым знакомым, где «круто и главное — бесплатно» поселился сын Эллы.

Со временем боль разочарования стала утихать и даже забываться.

Через год Эллочка позвонила снова. На этот раз металлическим голосом она потребовала одну тысячу четыреста долларов, утверждая, что эти деньги она потеряла, помогая Кате.

— Мы вернули тебе полную сумму. У нас есть банковский отчет, — пыталась возразить Катя.

— Да, деньги вы вернули, но тысячу четыреста долларов мы потеряли не проплатив годовых налогов! — кричала в трубку разъяренная Элла.

— Это налоги. При чем здесь мы? — пыталась понять Катя.

— Если вы откажетесь платить эту сумму, то завтра я отправляю на вас жалобу в иммиграционный департамент, и вас выкинут из страны! — угрожала Элла.

Катя знала, что всякая жалоба иммиграционным властям, даже необоснованная, ведет к плачевным результатам. Это объяснимо — перестраховка от скандальных иммигрантов.

Необъяснимо только то, почему была так настойчива Эллочка, предлагая свою «искреннюю помощь», устраивая своего сына в Катином доме на Голд Косте?

Прошло пять лет. Катя с мужем так и не получили постоянного проживания и пытаются разгадать загадку ярких ностальгических встреч и принципы человеческой «взаимовыручки».

Это не сказка, не притча, а быль. А урок из нее: Не называйте святыми из мира сего. Не открывайте родник сердца своего незнакомцу. Не приближайте к себе алчущих боли твоей.

Только как их отличить, желающих искренне помочь от алчущих?.. А уж если случилось подобное, то примите и это, не впадая в отчаяние. Благодарите Господа за всякую науку.

Ностальгия — это любовь, или...?

*Рассказ-зарисовка из обычной жизни
австралийских невест*

«Взлететь бы птицей и долететь до родного дома», — думала женщина, сидя на белом шелковистом песке у океана. Было женщине чуть больше сорока. Белолица, несколько округлых форм и вместе с тем изыскана, как отметили бы загорающие рядом мужчины и женщины. В белом, с желтыми полосками купальнике женщина напоминала раскрывшуюся лилию. В России ее давно уважительно называли Татьяна Филипповна, особенно на фабрике, где она работала инженером в конструкторском отделе. В новой стране, где она теперь проживала, женщина стала просто Таней.

У берега плавали важные пеликаны, опуская голову с мешочным клювом в воду, пытаясь кого-то вытащить на обед. Океан был спокоен, как отражение синего неба. Таня встала, прошлась по берегу и беззвучно вошла в теплую водяную гладь.

— Красота! Какая красота! — воскликнула женщина.

— Красота, да не наша! Дома все равно лучше! — кто-то одернул ее изнутри. Таня давно знала, что в ее сердце живут два «Я» Одно: «Я» — по фамилии «Вредное», другое «Я» — по фамилии «Доброе» Восторг от дышащего рядом океана не отступал и заполнял Танино сердце необъяснимой радостью свободы и красоты. Таня вспомнила родной город, промерзшие трамваи, заснеженные улицы, слякоть во дворе, расписанные непристойностями стены подъезда, длинный, увесистый мат из соседнего окна... Народное «красноречие» обычно не заставляло долго ждать ответа, и из этого же окна вырывался заковыристо-витиеватый ругательский монолог... Все это звучало на колоритном русском языке.

Такие воспоминания для Тани были оздоровительной, горькой микстурой от ностальгии.

— Нет. Океан — это чудо! А вечное солнце — это счастье! — подбодрила себя женщина, стараясь не прислушиваться к вредному собеседнику изнутри.

«Мой иностранный муж так старается для меня, а я тут слушаю это „Вредное Я“ и скуку навожу», — не замедлила поругать себя Таня. «Сегодня вот муж трудится, а меня, всю такую дипломированную, даже на неквалифицированную работу не принимают...»

Тут «Вредный Я», живший в маленькой точке ее сердца, ставящий Тане подножки своими вопросами, совсем расхорохорился, услышав упрек в свой адрес.

— Ты, что — опять за свое? Своих забываешь? Родину ругаешь?

Таня изо всех сил старалась не реагировать на колкости этого вредины, донимающего ее слишком часто.

— А что такое ностальгия? — спрашивала она себя, боясь, что опять вмешается в разговор назойливый собеседник и начнет диктовать ей неумные ответы на этот каверзный вопрос.

На помощь с ответом поспешил «Добрый Я», старательно опережая своего вредного соперника:

— Ностальгия — это воспоминания о детстве, юности и о любви, — вдохновенно подсказывал «Добрый Я», вынырнувший из самой глубины мечущегося Таниного сердца. Он всегда рыцарски защищал свою хозяйку.

Таня вспомнила, какую ностальгию она испытывала по океану, по этой солнечной стране прошлым летом, находясь в родном городе.

— Ностальгия — это желание души вернуться в состояние прекрасного мига, когда-то пережитого, — убеждала Таня себя и своих двух «собеседников».

— Музыка способна передать нам те чувства, которые мы испытывали двадцать лет назад, слушая ее ритмы.

Фотография может погрузить нас в тот чудесный миг, в который щелкнул фотоаппарат, — размышляла вслух обрадованная своему открытию женщина.

— А как же свадебные фотографии твоего первого неудачного брака? Разве на них приятно смотреть? Что же ты с ними расстаться не можешь? — опять завелся «Вредный Я».

— Ты о той любимой черно-белой фотографии, на которой я в длинной фате? — уточнила Таня.

— Да, да, именно об этой фотографии. Тебя тогда бросили, как обертку от конфетки, а ты все фотографии рассматриваешь. Где же твоя логика? — не унимался заковыристый «Вредный Я».

— Да, именно эта фотография меня волнует... — снова начала оправдываться Таня. — Волнует, потому что я была тогда юной и влюбленной, и еще красивой, как будто это не я.

«Добрый Я» снова вмешался в разговор и самоотверженно стал защищать женщину:

— Приятные воспоминания — это способность души жить и восхищаться этим прекрасным миром!

— Так почему воспоминания о Родине называют ностальгией? — задавала вопрос Таня Доброму «Я»

— Ностальгия — это любовь к друзьям, к родным, к природе, к тем местам, где когда-то люди были счастливы, — ответил «Доброе Я» — Мы должны радоваться этому чувству, а не сетовать на него.

— Значит, ностальгия — это не хандра! — обрадовано подхватила Таня мысли «Доброго Я».

— Есть ностальгия — значит, есть любовь и чувства, — продолжал «Добрый Я», довольный, тем, что глаза женщины радостно заблестели.

«Вредный Я» что-то пытался еще вставить, но видя, что сегодня он не в первенстве, обиженно замолчал.

— Ностальгия — это любовь! А от настоящей любви всегда покалывает и даже побаливает сердце, —

восхищенно воскликнула счастливая женщина. Немного помолчав, Таня продолжила свою мысль: — Господь в своей заповеди призывает нас: «Любите друг друга», а это значит, где бы мы ни были — мы будем всегда чувствовать ностальгию, потому что мы любим! — Набежала высокая волна, и Таня с разбегу, радостно бросилась в сшибающую с ног бурлящую воду. — Взлететь бы птицей и долететь до родного дома, а к вечеру снова вернуться на этот чудесный берег! — кричала женщина, бросаясь снова и снова в объятия разыгравшегося океана.

— Ностальгия — это любовь, а не хандра! — подхватывало «Доброе Я»....

Боль утраты родины постепенно утихала в сердце Татьяны Филипповны, но ненадолго. Уже через несколько часов снова кто-то стучал в ее сердце молотком ностальгической тоски, а «Вредный Я» был тут, как тут, подсыпая соли в ноющее от тоски сердце. Так и проходили Татьянины годы в солнечной эмиграции. Вроде бы, она была тут, а вроде бы, ее и нет совсем...

Содержание

Вместо предисловия «Это твой Ангел...»	5
От автора	9
Фарфоровый Ангел	12
Я хорошо помню, как объявили войну	12
Немцы в нашей деревне	13
Корову Маньку съели полицаи. Значит, и нас съедят...	16
В этот день я поседела, как и мама	17
Слово «гетто» боюсь произносить до сих пор	19
Страх	19
Я грызла руки людей, чтобы заполучить крошку хлеба	20
Ты скоро поедешь к бабушке	21
В лазарете	22
Земфира	23
В шахте	24
Болезнь	26
Ферма	27
Фарфоровый ангел	28
Первое платье	31
Пальто	32
Пароход	34
Брисбен	37
Любимый	39
Семья	42
Письмо из Хабаровска	44
И снова боль воспоминаний	45
Позаботьтесь о фарфоровом ангеле	47
Послесловие	49
Рисовая брошь	51
Семья из города Борзи	51
Побег в Китай	53
Бриллиантовый гребешок	54
Снова в путь	57
Судьба Верочки	59
Рисовая брошь	60
В Бразилии	62
Страна, где есть родные души	63
Где сегодня Будда в русской филиграни?	65
Гардемарин с чужой судьбой	66
Россиюшка	82
Бублики с маком	88
Взаимовыручка иммигрантов	91
Ностальгия — это любовь, или...?	97

© Людмила Ларкина
«Фарфоровый Ангел»

Verlag «STELLA»
Bundesstr. 52
72379 Hechingen
Deutschland
www.stella-verlag.com
Tel. +49 (0) 174 38 403 06
E-mail: tst1968@gmx.de
ISBN 978-3-95772-085-6

